

На правах рукописи

МУРЗИНА Ирина Яковлевна

ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:

БЫТИЕ И САМОСОЗНАНИЕ

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Екатеринбург – 2003

Диссертационная работа выполнена на кафедре культурологии Уральского государственного педагогического университета и на кафедре философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького.

Научный консультант	- Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Лойфман И. Я.
Официальные оппоненты	- доктор философских наук, профессор Шумихина Л. А. доктор философских наук, профессор Мирошников Ю. И. доктор филологических наук, профессор Абашев В. В.
Ведущая организация	- Гуманитарный университет (г.Екатеринбург)

Защита состоится «16» декабря 2003 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.286.08 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук и доктора культурологии в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького .

Автореферат разослан «9» ноября 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор социологических наук, профессор

Л.С. Лихачева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Переходный характер современной российской культуры настоятельно требует осмысления проблемы пути России, вновь, как и век назад, делая актуальным обсуждение вопросов самого существования страны, векторов ее развития, взаимоотношений территорий, этносов, социальных групп. Сложность описания современной социокультурной ситуации состоит в том, что создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением-отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разнонаправленностью ценностных ориентаций.

Социокультурные процессы, происходящие в современной России, во многом связаны с предшествующим этапом развития страны. Произшедшие в самое последнее время изменения в государственном устройстве, новая политическая и социальная ситуации обострили скрытые ранее противоречия, обнажив целый спектр нерешенных проблем: это проблемы федеративного устройства, кроссэтнических взаимодействий, сосуществования различных территориальных, политических, экономических, социальных и других образований.

Множество вопросов, которые сегодня воспринимаются как особенно острые, не получают должного осмысления, поскольку оказываются связанными прежде всего с актуальной социально-политической ситуацией, и попытки их решения делаются исключительно исходя из наличного бытия. Тем не менее становится ясно, что многие из проблем имеют многолетнюю, а зачастую – многовековую историю. Поэтому наряду с анализом фактов и разрозненных аспектов современной жизни необходимо обращение к более сложному феномену существования страны – анализу культуры как «подсистемы бытия» (М.Каган).

При всем разнообразии конкретных исследований (от описания культур отдельных народов или отдельных социальных групп, проблем межкультурных связей разного уровня, способов организации социальной жизни до анализа социально-психологических особенностей представителей того или иного сообщества, их политических или экономических предпочтений) остается ощущение отсутствия единства в понимании *что такое* Россия (которое к тому же постоянно изменяется, в том числе и в зависимости от политической конъюнктуры), и, как следствие, не складывается и представление о единой в своем многообразии культуре страны.

Одним из способов преодоления возникающих сложностей осмысления культуры России в целом становится обращение к *изучению ее отдельных регионов*, которое может стать основой серьезного междисциплинарного исследования, где многообразие связей, типологически подобное общероссийскому в силу локализованности во времени и пространстве, носит более очевидный характер.

Изучение регионов сегодня ведется в разных аспектах: в геополитическом (в контексте проблем глобализации и регионализации), в социологическом (анализируется деятельность определенных социальных групп, и

прежде всего – политических элит), в историко-краеведческом (описываются специфические особенности жизни в данной территории), демографическом (рассматриваются проблемы расселения населения, размещения трудовых ресурсов, характера и динамики миграций). В этом далеко не полном перечне направлений региональных исследований в самое последнее время наметилась еще одна важная составляющая – изучение региональной культуры.

Специфика исследований региональной культуры заключается в том, что они в большой степени смыкаются с историко-краеведческими, делая акцент, по преимуществу, на культурные традиции отдельных народов или групп населения, закрепившиеся в их повседневном бытии, на истории открытия или бытования отдельных артефактов, уточняя факты биографии отдельных деятелей региональной истории. При всей значимости такого рода исследований *актуальным видится создание теории региональной культуры*, рассмотрение генезиса, структуры, функционирования, логики развития региональной культуры, дающее представление о закономерностях существования данного феномена внутри культуры России, *и использование этой теории при анализе конкретных региональных культур*. Вероятно, должна идти речь о новом направлении культурологических исследований – региональной культурологии, для которой объектом исследования становится конкретный регион как единство, продуцирующее особый тип национальной культуры, как формы бытия национальной культуры, которая является необходимым условием существования локального социума и служит основой для самоидентификации его жителей.

Состояние разработанности проблемы. Исследование региональной специфики имеет свою историю. Процессы регионализации, происходящие в разных странах мира, становились объектом изучения в политической, социологической, исторической, философской литературе.

Прежде всего к проблемам регионализации обратились геополитики, социологи и экономисты, поскольку данный феномен тесно связан с глобализацией и происходящими в связи с этим изменениями в социально-политической и экономической сферах. Особое место в исследованиях регионализма занимают вопросы политического устройства отдельных территорий (вопросы федерализма), получившие дополнительный толчок в связи с новыми политическими реалиями последнего времени (в частности, с распадом СССР, Югославии, созданием Евросоюза).

Изучение региональных проблем в России последнего десятилетия также велось в русле политики, что во многом обусловлено первоначальной неопределенностью развития страны постсоветского времени. В науке утверждается термин « региональный вызов », связанный с множественностью возможных политических дискурсов, равной возможностью прямо противоположных разрешений сложившихся и складывающихся ситуаций, анализом деятельности региональных политических элит. В работах А. Сергунина, В. Долгова, В. Алексеева, А. Рыжкова, Ю. Голика, В. Карасева, А. Попова и других утверждается связь проблем регионального развития с проблемами политико-административного развития страны. Не отрицая продуктивности такого рода исследований, отметим, что

они принадлежат плоскости «прикладной политики» и не рассматривают закономерности развития регионов, констатируя лишь их современное состояние.

Новый уровень анализа региональных систем связан с осмыслением этнокультурных различий. Двухнаправленный процесс (описание и осмысление этнического разнообразия исследователями, принадлежащими данным этнокультурам, и попытки создания типологических исследований) обогащают процесс анализа региональной специфики России (не случайно в связи с этим появившееся определение «Россия как десять стран», отличающихся географически и культурно). Особую актуальность приобретает анализ национальных отношений в регионах, в том числе и как определенный фактор нестабильности социальной жизни.

Однако собственно этнологические исследования в очень большой степени носят констатирующий характер, фиксируя этнокультурные различия, рассматривая культуру либо как замкнутую систему, либо сосредоточиваясь на кроссэтнических связях, нашедших свое воплощение в артефактах, способах коммуникации, взаимных оценках представителей различных этнических групп.

Интерес представляют исследования в области этнопсихологии и антропологии. Обращаясь к проблемам «этнической картины мира», «этнических констант» в контексте осмысления специфики традиционной культуры, этнопсихологи фиксируют особенности механизмов этнической самоидентификации, рассматривают адаптационно-деятельностные модели человеческого поведения, анализируют механизмы самоструктурирования этноса (наиболее перспективными направлениями исследований в этнопсихологии становятся междисциплинарные – связывающие собственно проблемы этнологии и психологии с проблемами функционирования культуры. Такой подход в отечественной науке характерен, в частности, для работ С. Лурье, которая, опираясь на европейскую и американскую традицию, пытается обозначить новые рубежи для науки: единое философско-культурологическое поле составляют исследования этнической культуры как целостности (Ф. Боас), изучение культуры и психологии в комплексе (М. Мид), исследование личностных структур (А. Кардинера, Дж. Уайта), психоаналитическая антропология (Г. Рохейм, Ж. Дереву), исследования национального характера и картины мира в контексте ценностного подхода (К. Клакхон, Р. Редфильд).

Историческая составляющая исследований регионов России в современной науке занимает все более значительное место. И если в прежние времена историческая наука тяготела к масштабным исследованиям, связанным с осмыслением макропроцессов (движущих сил истории, истории государств и политических систем), то в настоящее время акцент делается на анализ микросообществ, локальных явлений, входящих в контекст мировой истории необходимым составным элементом: особое внимание уделяется введению новых фактов, осмыслению истории повседневности, введению в научный оборот новых документов, характеризующих процессы, происходившие в «местной» истории. Историко-краеведческие исследования смыкаются с этнологическими, когда происходит осмысление кроссэтнических процессов, обуславливающих специфику развития

региона. Наряду с историографической работой, связанной со сбором материалов, интерпретацией архивных источников и музейных артефактов, делаются попытки осмысления методологии исследования местной истории, акцентируется специфическое понимание региона не столько как «территории», сколько как «микрообщества», совокупности людей, осуществляющих определенную историческую деятельность.

Наиболее продуктивными, на наш взгляд, сегодня являются исследования в сфере научной, образовательной, эстетической деятельности людей, проживающих в конкретном регионе. Попытки описывать региональные философские школы достаточно успешны, когда они касаются зарубежной философии, в плоскости «внутренней регионалистики» к ним только начинают подходить. Изучение региональных научных школ и образовательных систем в настоящее время ведется в рамках истории образования и науки. В работах Л. Андриюхиной, А. Кислова, Н. Рыбакова и других разрабатываются проблемы регионального образования, определяются его специфика, цели и задачи. Художественная составляющая региональной жизни в современных исследованиях находится, по преимуществу, в плоскости изучения местных художественных и литературных школ, творчества отдельных художников, делая попытки вписать их в контекст национальной культуры.

Несколько иной ракурс в исследовании регионов наблюдается в современной географической науке в связи с новым направлением – гуманитарной географией. Сегодня происходит становление нового подхода к «описанию земли» – геокультурного. Работы таких западных и российских исследователей, как К. Зауэр, К. Солтер, Р. Кабо, И. Валлерстайн, Ю. Веденин, Р. Туровский, А. Дружинин, Д. Замятин, И. Корнев и других, позволяют говорить о продуктивности целостного анализа природно-географических условий жизни и форм культуры, которые возникают в конкретном пространстве и обуславливают идентичность людей, здесь живущих.

В силу множественности задач, которые стоят перед учеными-представителями различных наук, сегодня мы можем сказать, что для создания целостной картины жизни отдельных регионов страны необходимы междисциплинарные исследования, интегрирующие различные аспекты изучения, опирающиеся на представление о культуре как уникальной форме бытия человека в конкретных историко-географических условиях.

С середины 1960-х гг. в отечественной науке проблемы, связанные с изучением культуры, приобрели особую значимость, актуализируя такие аспекты, как анализ социокультурных процессов в обществе, осмысление роли и места культуры в формировании личности и социума, связи культуры и природной среды, рассмотрение систем ценностных ориентаций различных социальных групп. Особое место в исследовании столь многогранного и сложного феномена, которым является культура, занимал и продолжает занимать т.н. деятельностный подход, определяющий культуру как совокупность форм, способов, средств и результатов человеческой деятельности. Дополнительным элементом в исследовании культуры в логике данного подхода становится историческая составляющая,

позволяющая рассматривать культуру как продукт человеческой деятельности, возникший в определенных исторических условиях.

Изучение культуры как сферы человеческой деятельности велось разными путями, однако на первый план выдвигались проблемы, связанные с содержанием культуротворческой деятельности и характерным для нее свойством быть системообразующим фактором человеческого бытия. В целом культуру рассматривают как сложную систему взаимосвязанных элементов, представляющих собой исторически сложившуюся естественную целостность, как некий единый мир. В самом общем виде культура понимается как система внебиологически выработанных средств и механизмов, благодаря которым мотивируется, направляется, координируется, реализуется и обеспечивается человеческая деятельность. В определениях культуры акцентируются ее надприродный характер, созданность человеком, механизмы регуляции социальных отношений и поведения. Несмотря на множественность определений и подходов, практически всеми подчеркивается универсальность культуры, ее интегрирующая роль в социальной жизни.

Понятие региональной культуры до самого последнего времени применялось к локальным общностям, живущим на определенной территории, в большей степени – по отношению к культурам зарубежных стран. При этом слово «регион» использовалось в узком значении – «территория, на которой возникла и развивается данная культура» (исследования, посвященные культурам Тихоокеанского региона или странам Магриба, Латинской Америки или Тропической Африки).

Рассмотрение региональных культур на территории России первоначально велось в ключе этнологических исследований, скорее фиксирующих сохранившиеся до современности элементы традиционной культуры отдельных народов. В последнее время появляются работы, связанные с обращением к культуре Сибири, Урала, Дона, Русского Севера, рассматривающие отдельные города-мегаполисы как специфические, продуктивные в культурном отношении, феномены (исследования, посвященные Москве и Санкт-Петербургу). В то же время необходимо отметить, что эти исследования носят разрозненно-разобщенный характер, свидетельствующий о процессе становления новой области научного знания, первоначальный этап которого связан с накоплением материала и первыми попытками его систематизации.

Симптоматичным, на наш взгляд, является исследование региональной художественной культуры, которую в силу сложившейся традиции можно рассматривать как индикатор происходящего в региональной культурологии прежде всего потому, что именно явления искусства и художественная жизнь зачастую репрезентируют всю культуру целиком. Отличительными особенностями становятся, с одной стороны, феномены, несущие на себе так называемый местный колорит; с другой, то, что повторяет достижения «столичного искусства» на провинциальной почве. Об особом сибирском стиле – «сибирике» – в профессиональном искусстве говорит, в частности, Р. Боровикова в работе «Типологические черты художественной культуры Сибири», подчеркивая, что он нашел свое воплощение, по преимуществу, в сюжетах произведений; рассматривая

культуру Дона, ее исследователи акцентируют внимание на работах, тематически связанных с регионом, особое место уделяя описанию исторических перипетий, связанных с трагедией казачества в XX в. При всей ценности таких исследований, они, к сожалению, не выходят на новый качественный уровень, связанный с осмыслением логики развития региона как специфической формы существования локальной культуры внутри культуры страны.

Сложность анализа региональной культуры состоит еще и в том, что сам предмет исследования определен недостаточно. Существует представление о «культуре региона» и рядом с ним – о «региональной культуре». Под *культурой региона* мы понимаем географически (пространственно) закрепленную культуру, транслирующую основные ценности национальной культуры, отличающуюся только особенностями бытового уклада и характером повседневности (за этим стоит определенная социологическая и культурософская традиция, рассматривающая культуру, главным образом, как форму отражения материального бытия, производственно-экономических отношений, следующая за их развитием). *Региональная культура* – вариант общенациональной культуры и одновременно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования. Ее отличает наличие своего набора функций, продуцирование специфической системы социальных связей и собственного типа личности, способность оказывать влияние на общенациональную культуру в целом. За дифференциацией понятий кроется понимание, что существуют формы и механизмы, которые превращают культуру региона в региональную культуру. С другой стороны, это позволяет включить понятие региональной культуры в типологический ряд историко-культурных явлений.

В основе осмысления региональной культуры лежит представление о культуре как единстве мира человека и мира социума, по сути, опредмеченного исторического опыта человечества, преломляющегося в конкретном бытии индивидуального мира человека. Опосредующей системой становится социальный мир во всем многообразии его связей (в его историческом и современном бытии, существующий в определенных географически закрепленных координатах). Единство этих миров позволяет описывать культуру как социально-личностный феномен, разворачивающийся в истории. В работах отечественных философов и культурологов А. Ахиезера, Л.Баткина, Г. Гачева, П. Гуревича, Б. Ерасова, М. Кагана, Л. Когана, И. Кондакова, И. Лойфмана, А. Медведева, А. Флиера и других предлагаются методологические основы анализа культуры как социально-личностного феномена, акцентируются связи «человек – общество», «мир культуры – мир природы». Сущностно значимым в анализе культуры становится понятие ценности (П. Сорокин), которое лежит в основании культуры и является смыслообразующим фактором ее развития.

Для понимания характера культуры, на наш взгляд, важным является исследование типа культуры, характера продуцируемого культурой типа личности, аспектов самоидентификации человека в культуре и систем самосознания культуры. Каждый из этих аспектов так или иначе оказывался в поле зрения современной культурологии. В частности, А.Гуревич

обращался к средневековому типу культуры; характер и специфику типа личности в культуре Возрождения рассматривал Л.Баткин; проблемы художественного сознания исследовал Л.Закс; феномен идентичности и механизмы самоидентификации проанализированы в работе Е.Трубиной; собственно к проблемам региональной идентичности обращались С.Сверкунова и Р.Туровский; проблему философии как формы самосознания региона исследовала в своей работе, посвященной австрийскому региону, Е.Черепанова.

Поскольку исследование региональных культур в России находится в самом начале, нам кажется уместным обратиться к отдельному территориально-культурному образованию и на его материале рассмотреть специфику генезиса, функционирования, продуктивности локальной культуры. Мы обратимся к культуре Урала. Специфика нашей работы заключается в том, что мы параллельно воссоздаем культуру региона как целостное явление, предлагаем методику анализа региональной культуры, опираясь на конкретный исторический материал, и проводим апробацию данной методики.

В своем исследовании мы опираемся на работы, посвященные изучению Урала (историко-краеведческие, этнографические, религиоведческие, искусствоведческие), стремясь обобщить их проблематику.

На протяжении XIX-XX в. в уралистике (или – ураловедении) накопился большой фактический материал: в географии особое место уделяется изучению природы края и хозяйственно-экономической деятельности людей, живущих на Урале (от работ А. Гумбольдта, Н. Чупина и публикаций «Записок УОЛЕ» до современных исследований Н. Архиповой, П. Горчаковского, И. Корнева, Ф. Максютова, А. Оленева и других); в истории – анализу отдельных событий и попытке воссоздать ее в целостном виде (от работ, посвященных археологическим памятникам региона, созданных А. Берс, О.Бадером, Г. Здановичем, В. Широковым, и изучению традиционных культур в трудах Н. Миненко, В. Попова и других до исследования «белых пятен» в истории XX в. – в работах А. Бакунина, В. Камынина, Г. Корнилова, Б. Личмана, С. Постникова и других); в искусствознании и литературоведении – рассмотрению особенностей художественных стилей, школ, творчества отдельных художников (в искусствоведческих работах Б. Павловского, С. Голынца, Г. Голынец, В. Колосницына, А. Раскина, сборниках научных трудов «Из истории духовной культуры Урала», работах фольклористов – П. Богословского, В. Кругляшовой, А. Лазарева, сборниках научных трудов «Фольклор Урала»; литературоведческих исследованиях В. Абашева, Н. Лейдермана, М. Липовецкого и других). Однако до сегодняшнего дня нет целостного исследования феномена региональной культуры. Наша работа – попытка восполнить образовавшийся вакуум.

Объектом нашего исследования является уральский регион как целостное геокультурное пространство, со своими природно-географическими и историко-культурными реалиями, обуславливающими характер человеческой деятельности.

Предметом исследования является региональная культура Урала как форма существования общенациональной культуры в определенных историко-географических координатах.

Цель и задачи исследования. Главная цель работы – анализ феномена региональной культуры как особого бытия общенациональной культуры и как самосознания регионального сообщества. В своей работе мы не претендуем на исчерпывающее описание феномена региональной культуры. Задача, которую мы ставили перед собой, состоит в том, чтобы разработать концептуальные основы региональной культурологии и апробировать их при анализе конкретной культуры – культуры Урала. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих исследовательских задач:

- определить круг понятий, характеризующих бытие и самосознание региональной культуры;
- рассмотреть регионообразующие факторы в контексте теоретико-культурологического подхода;
- рассмотреть факторы, обуславливающие региональную идентичность и региональное самосознание;
- описать исторически сложившийся в регионе тип личности;
- дать характеристику феноменов, повлиявших на формирование системы ценностей региональной культуры;
- представить формы мифологического и эстетического освоения мира как репрезентирующие региональное самосознание.

Методологическая основа исследования. Базой исследования являются принципы исторического познания, позволяющие видеть исторические процессы в их взаимосвязи; для более полного раскрытия смыслов региональной культуры применялись методы феноменологии; анализ отдельных феноменов культуры требовал постижения смыслов, интерпретации знаков и значений, свойственных культуре, разработанных в семиотике; опыт исторической реконструкции позволял дополнить и уточнить целостную картину развития региональной культуры. Методологической основой стал системный подход, позволяющий рассматривать культуру в ее целостном бытии, функционировании и саморазвитии, анализировать составные компоненты и характер их связи.

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту. Согласно авторской концепции региональная культура является вариантом национальной культуры, становится способом жизни людей, живущих в конкретной территории. Региональная культура продуцирует определенную систему ценностей, создающей условия для самоидентификации людей и являющейся формой самосознания региона. В ходе осуществленного исследования автором работы предложена своя трактовка таких понятий, как региональная культура, региональная идентичность, региональное самосознание, сделаны содержательные уточнения таких категорий, как регионообразующие факторы, геокультурное пространство, горнозаводская культура. В диссертации на обширном материале культуры Урала раскрываются методологические основы анализа региональной культуры как особого бытия национальной культуры и самосознания людей, живущих на данной территории.

Основные положения диссертации, характеризующие ее научную новизну и выносимые на защиту, заключаются в следующем:

1. Показано, что региональная культура – вариант общенациональной культуры и одновременно самостоятельное явление, обладающее собственными закономерностями развития и логикой исторического существования. Ее отличает наличие своего набора функций (человекотворческая, регулятивная, аксиологическая, символическая, коммуникативная), продуцирование специфической системы социальных связей и способность оказывать влияние на общенациональную культуру в целом. Как специфическая форма существования социума и человека в определенных пространственных координатах, которая опирается на историческую традицию, она формирует систему ценностей и продуцирует особый тип личности. Региональная культура может продолжать существовать достаточно долго, не акцентируя свою специфичность как характеризующую локальный социум. Только поднявшись до уровня самосознания, она превращается в «региональную культуру» (другое дело, что процесс вызревания самосознания культуры может занимать длительный период). В этом кроется известная парадоксальность региональной культуры как феномена, существующего на значительных этапах своего развития и «внутри» национальной культуры и «наряду» с ней.
2. Показано, что региональная культура генетически связана с национальной культурой, соотношение национальной культуры и ее регионального варианта может быть рассмотрено как связь общего и особенного. Для того чтобы в конкретной территории сложилась своя региональная культура, «материнская» культура должна пройти несколько этапов: включение данного географического пространства в поле освоения «материнской» культуры (физическое и символическое включение в состав России), осознание «связи с местом» (определенные способы хозяйствования, организации социальной жизни), обретение региона как «смысла-для-себя». Характер производства и социальной жизни, осознание собственной особенности и значимости в судьбе страны, сформировавшийся этос и нашедшие свое воплощение эстетические ценности – все это дает право называть культуру жителей конкретного региона *региональной*. Следующий этап связывает национальную и региональную культуру новыми по характеру связями: не представляя себя вне «большого целого», регион ощущает собственную значимость и стремится влиять на судьбу «целого».
3. Дана характеристика региональной культуры как интегрирующего начала жизни в конкретной территории, которая определяется условиями существования людей и определяет формы их существования. В пространственно-временных координатах на конкретной территории складывается определенный способ жизни, который придает единство и формирует в его жителях определенную региональную идентичность. Региональная идентичность характеризует связь, ко-

тую ощущает житель определенной территории (региона) с местом его жизни, и тип личности, который формируется на данной территории и в деятельности которого находит свое выражение «дух региона». Под региональным самосознанием мы понимаем осознание, целостную оценку региональным сообществом самого себя, специфики своего существования, роли и места в жизни страны, понимание целей, движущих сил и мотивов своего развития. Это осознание может быть представлено как многокомпонентная структура: от ощущения близости определенной группе людей, проживающих на данной территории (образу жизни, ценностной системе, традициям, историческим корням), через понимание и осознание общности судьбы к осмыслению регионального сообщества, к которому принадлежат люди, как самостоятельного субъекта действия.

4. Урал представлен как особая геокультурная общность, что позволяет обнаружить, с одной стороны, как географическое пространство наполняется смыслами, которые продолжают жить до сегодняшнего дня, с другой, как трансформируются смыслы культуры на протяжении исторического времени. В регионе сложился определенный тип культуры - горнозаводский, со своими собственными способами мироотношения, этикой поведения, формами духовной жизни и практической деятельности. Горнозаводская культура характеризуется как один из вариантов народной культуры, как особый (региональный) тип культуры, тесно связавший традиционно-крестьянскую и собственно городскую ветви, устойчивость со способностью и своеобразной настроенностью-восприимчивостью к новому. Урал был тем регионом, где сохранялись и развивались древнерусские традиции, адаптируясь к новым модернизированным формам культуры. Дано представление о типе личности уральца.
5. Выявлены особенности символической репрезентации региональной культуры Урала. Символами, репрезентирующими региональное общество и служащими знаками его консолидации, могут стать закреплённые в географическом пространстве артефакты (крепости, храмы, различные типы поселений, административно-хозяйственные учреждения); закреплённые в социальном пространстве человеческие типы, которые объединяют в себе характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории; закреплённая в ментальном пространстве официальная символика, представляющая регион. Дано описание региональных символов и региональной символики.

Показано, что на Урале в течение XVIII-XIX вв. сложилась собственная мифология как способ описания, понимания и познания реальности в русле христианской традиции и народной религиозности, связанной в том числе и с языческими традициями. В мифологических представлениях горнозаводских людей обнаружена известная двойственность мира, связывающая крестьянскую традицию с новыми условиями промышленного производства. Установлена структурообразующая роль в уральской мифологии мифов о культурных ге-

роях. Дан анализ становления и функционирования уральского советского мифа.

6. Обоснована трактовка художественной культуры Урала как выражения регионального самосознания, причем развитие художественной культуры региона представлено в контексте соотношения народной и профессиональной форм ее существования. Выражением горнозаводского способа жизни и самосознания региональной культуры стали уральские художественные промыслы. Дан анализ становления в регионе на рубеже XIX-XX вв. профессиональной художественной культуры как формы регионального самосознания. Рассмотрены неомифологические тенденции в изобразительном искусстве советской эпохи, определившие характер уральского искусства как во многом провинциального. На рубеже XX-XXI вв. в региональном самосознании происходит переоценка ценностей, восстанавливается историческая связь времен, что призвано выразить современное искусство.

Научно-практическое значение работы. Положения и выводы настоящего исследования могут стать основой для нового перспективного направления в науке – региональной культурологии, решающей двудединую задачу – исследование феноменов региональных культур и воссоздание истории культуры страны в новом качестве. Рассмотрение связей общенациональной культуры и ее региональных вариантов позволяет проанализировать феномен бытия национальной культуры как явления, находящегося в постоянном развитии, дает возможность по-новому обратиться к проблеме движущих сил в развитии культуры страны. Описание множества региональных культур обогащает анализ проблем межкультурного взаимодействия, позволяет обрести новые горизонты в решении сложных межэтнических противоречий.

Учет специфики развития регионов, осмысление их своеобразия, внимание к ценностной основе культуры становится условием для формирования продуктивных стратегий устойчивого регионального развития, позволяет по-новому ставить и решать социально-эколого-экономические и политические проблемы, встающие на современном этапе развития страны. Введение региональной проблематики в учебные курсы образовательных учреждений разного уровня расширяет поле для воспитания молодых людей, создавая условия для формирования личности, понимающей ценность культуры и с уважением относящейся к различным ее формам и проявлениям.

Ряд идей и положений данного исследования был использован в программах развития региональной системы образования и рекомендациях по изучению культуры Урала в школах и вузах г. Екатеринбурга и Свердловской области, а также для формирования воспитательной программы Уральского государственного педагогического университета. Материалы исследования использованы автором в работе над учебными программами для учащихся общеобразовательных школ и студентов педагогических специальностей; при подготовке учебных пособий для учащихся общеобразовательных школ, в разработке учебных курсов по прикладной культурологии, в преподавании спецкурсов «Екатеринбург-Свердловск в пространстве культуры», «Художественная культура Урала» в Уральском

государственном педагогическом университете, в работе семинаров для учителей мировой художественной культуры г. Екатеринбурга, в разработке экскурсионно-туристических маршрутов по Уралу для школьников и студентов.

Апробация основных идей исследования. Основные идеи и полученные результаты представлены автором в монографии, научных статьях, учебных пособиях и научно-методических изданиях. Положения и основные идеи данного исследования отражены в докладах и сообщениях автора на научных и научно-практических конференциях, в том числе на региональной научно-практической конференции «Каменный пояс на пороге III тысячелетия» (Екатеринбург, 1997); Всероссийских научно-практических конференциях «Филологический класс: проблемы, тенденции, перспективы работы» (Екатеринбург, 1999), «Проблемы современной музыкальной культуры: рубеж веков» (Екатеринбург, 1999); межрегиональной научно-практической конференции «Социально-гуманитарное образование в средней и высшей школе: методологические и методические проблемы» (Екатеринбург, 2000); региональной научно-практической конференции «Культурологический подход в образовании» (Екатеринбург, 2000); научно-практической конференции «Развитие личности в системе непрерывного гуманитарного образования» (Екатеринбург, 2001); Всероссийской научно-практической конференции «Культурологический подход в образовании» (Екатеринбург, 2001); Пятых Всероссийских историко-педагогических чтениях (Екатеринбург, 2001); Всероссийской научно-практической конференции «Региональный компонент гуманитарного образования: проблемы реализации» (Екатеринбург, 2001); Всероссийской научно-практической конференции «Гражданское общество и патриотизм в XXI веке: теория и практика» (Екатеринбург, 2002); Международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарное образование в средней и высшей школе: перспективы модернизации» (Екатеринбург, 2002); Международной научно-методической конференции «Метрополия и провинция. Художественная репрезентация "другого"» (Екатеринбург, 2002); Всероссийской научно-практической конференции «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2003); Всероссийской научной интернет-конференции «Новая локальная история: Методы, источники, универсальная и провинциальная историография» (Ставрополь, 2003); международной научно-практической конференции «Новые университеты: роль информационных технологий в становлении гуманитарного образования» (Челябинск, 2003).

По теме диссертации опубликовано 30 научных и научно-методических работ, в том числе одна монография и 5 учебных пособий.

Положения и основные идеи диссертационного исследования обсуждены на семинаре докторантов кафедры философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького, на кафедре культурологии Уральского государственного педагогического университета.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. Содержание работы изложено на 211 страницах машинописного текста. Список литературы включает 327 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, показана степень ее научной разработанности, сформулированы цель и задачи исследования, изложены методологические основания диссертации, раскрыта ее научная новизна и практическая значимость.

В первой главе **«Региональная культура как форма бытия общенациональной культуры»** автором рассматриваются теоретические аспекты исследования региональной культуры, предлагается методика анализа региональной культуры.

В первом параграфе **«Региональная культура как предмет теоретико-культурологического исследования»** предлагаются методологические основания исследования региональных культур.

В современной культурологии особое место занимают работы, связанные с осмыслением специфического характера культуры, ее противоречивого единства. Воссоздавая образ мировой культуры, исследователи сталкиваются с разнокачественными и разноречивыми явлениями, находящимися в сложном взаимодействии – взаимного влияния, притяжения или отталкивания. На протяжении XIX–XX вв. делались множественные попытки осмыслить логику развития мировой истории культуры: линейные, не учитывающие специфику культур разных народов (т.н. «теории прогресса», европоцентристские по своей сути); «циклические», опирающиеся на представление о замкнутости и непроницаемости культур (О. Шпенглер); синергетические, связанные с представлением о культуре как о саморазвивающейся системе (М. Каган). Интерес представляют исследования, обращающиеся не к стадийному развитию культур, а к их типологии. В этой логике мировая культура рассматривается одновременно как целостность (единство всех существовавших, существующих или будущих культур) и дискретность (то, что Н. Данилевский называл культурно-историческими типами, а А. Тойнби – «самозамкнутыми дискретными культурно-историческими единицами»).

Продуктивность такого рода исследований очевидна, поскольку опирается на реальную множественность культур, присутствующих в едином пространстве мировой культуры. Это разнообразие форм, видов и типов культур обусловлено различными факторами: географическими, историческими, этническими, религиозными, социально-экономическими, политическими.

Сложность описания феномена мировой культуры во многом кроется в его известной двойственности: быть одновременно формой существования отдельных этносов, народностей, социумов и создавать поле для их взаимного сосуществования. Мегауровень (мировой культуры), спроецированный на уровень развития национальной культуры (мезоуровень), не упрощает ситуацию. Обратившись к национальной культуре, мы вновь сталкиваемся с единством многообразия, связанного уже с социокультур-

ными различиями, возникающими на разных исторических ступенях развития. Если обратиться к географическим и историческим факторам, то мы обнаруживаем, как на одной и той же территории в разные исторические эпохи возникают разные культуры, иногда генетически связанные с предшествующими, иногда отрицающие их. В рамках одного политического и социально-экономического целого сосуществуют, вступая в противоречия или сглаживая их, различные культурные миры, с особыми этническими историями, конфессиональной принадлежностью и т.п. Более того, говоря о мире национальной культуры, мы постоянно сталкиваемся с дифференциацией на уровне индивидов, обусловленной социальным опытом, системами воспитания, способами самореализации.

Создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением-отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разноректорностью ценностных ориентаций. И, может быть, особую трудность вызывает анализ культуры России, которая по разнообразию культурно-исторических типов, живших и живущих на ее территории, типологически близка мировой культуре в целом.

Обращаясь к культуре России, нужно выделить несколько плоскостей исследования, в современной социокультурной ситуации приобретающих особую актуальность: Россия как многонациональное единство (с акцентом на рассмотрение проблем межкультурной коммуникации), Россия как многоконфессиональная страна (с акцентом на толерантное отношение к представителям иной, нежели твоя собственная, системы верований), Россия как общее пространство для жизни представителей многих народов (с акцентом на исторически сложившемся территориальном единстве). Доминантой анализа в любой из названных плоскостей становится представление о единстве многообразия, о необходимости преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий, о ценности каждой культуры, возникшей на территории огромной страны. Представление о культуре России как сложной гетерогенной системе тесно связанных между собой элементов приводит к тому, что ее можно описать как исторически сложившуюся целостность, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов которой приводят к признанию множественности существующих (или существовавших) моделей культурного развития.

Однако *такой* истории культуры России до сих пор нет. При всем разнообразии конкретных исследований (от описания культур отдельных народов или отдельных социальных групп, проблем межкультурных связей и кроссэтнических взаимодействий разного уровня, способов организации социальной жизни до анализа социально-психологических особенностей представителей того или иного сообщества, их политических или экономических предпочтений) остается ощущение отсутствия единства в представлении о культуре России как целостности. Методологической базой для создания такого рода истории культуры России могли бы стать работы Л. Гумилева, который рассматривал специфические «целостности» – этносы как социокультурные общности и особые формы внутрен-

ней дифференциации человеческого вида в зависимости от географических условий жизни и хозяйственной деятельности.

Осмысляя культуру такой страны, как Россия, необходимо учитывать ряд факторов, повлиявших на ее облик: многонациональный и многоконфессиональный состав страны и огромную территорию, освоение которой происходит до сих пор.

Так сложилось, что история страны оказалась тесно связана с все расширяющимся пространством с запада на восток и с севера на юг. Вопрос о роли пространства в судьбе России имеет глубокие исторические корни (к этой проблеме по-разному подходили М.В. Ломоносов и Д.И. Менделеев, В.П. Семенов-Тянь-Шанский и П. Савицкий, Н. Бердяев и И. Ильин). В частности, Н. Бердяев писал о том, что необъятные пространства стали духовным фактором бытия русского человека и внутренним фактом его судьбы. Обратной стороной этого безграничного пространства стала его неосвоенность. Сложный процесс колонизации, «прирастания России Сибирью» приобретал специфический характер не только военно-политического или экономического свойства, а по преимуществу *социокультурного*.

Необходимость ускоренного освоения огромных земель была связана, в том числе, и с ростом самосознания жителей региона. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. формируется так называемое «сибирское областничество». Идеи сибирского областничества получают особое развитие на рубеже XIX–XX вв. Явление сибирского областничества было не единственным в истории России. Рост самосознания территорий на рубеже XIX–XX вв. шел во всей Российской империи, а революции выступали катализатором многих произошедших событий. Так, свое право на автономию провозглашали казаки в различных районах страны, Дальневосточная Республика, на Урале в это же время создается Областное Правительство (1918 г.).

Возникает вопрос: почему, как только ослабляется диктат централизованной власти, по всей стране усиливаются центробежные тенденции («история повторяется» и на рубеже 1980-90-х гг.)? Возможно, ответ кроется, с одной стороны, в недостаточной освоенности огромных пространств, с другой, в непонимании, какой должна быть страна, занимающая столь огромную территорию.

На наш взгляд, сегодня остается не до конца осмысленной сама проблема освоения пространства. Помимо явных географического и административно-экономического аспектов, существует аспект социокультурный. Регион как единица целой страны может быть осмыслен в том числе и как «ментальная конструкция» (А. Ремнев), т.е. как представление о конкретном, географическом пространстве, закрепленное в сознании людей. В таком контексте проблема освоения территории становится, в том числе, и актом ее «присвоения».

В силу того что в различных областях наличествовали разные природно-географические условия, возникают первоначальные различия в бытовом и хозяйственном укладе, а кросскультурные связи пришлого и старожильческого населения становятся одним из факторов, обуславливающих специфические формы жизни. Так постепенно на единой терри-

тории России, в единых административных границах русского государства, людьми, осознающими свое единство с центральной Россией, рождаются особые формы культурной жизни. Можно было бы сказать, что происходит процесс становления новых культур, но это не совсем так. Это скорее процесс возникновения вариантов единого инварианта – русской культуры. Таким образом, можно говорить о том, что фактически формируется и начинает существовать, постепенно выделяясь из общего мира русской культуры, но не порывая с ним, особая культура – региональная. Но достаточно длительное время носители этой культуры ее не осознают как нечто особенное. В этом состоит специфичность региональной культуры. Она становится, прежде всего, как форма бытия (специфическая форма существования социума и человека в определенных пространственных координатах, опирающаяся на историческую традицию, формирующая систему ценностей, продуцирующая тип личности). В таком качестве она может продолжать существовать достаточно долго, не акцентируя свою специфичность как характеризующую локальный социум. Только поднявшись до уровня самосознания, она превращается в региональную культуру (другое дело, что процесс вызревания самосознания культуры может занимать длительный период). В этом кроется известная парадоксальность региональной культуры как феномена, существующего на значительных этапах своего развития и «внутри» национальной культуры и «наряду» с ней.

В процессах осмысления региона как специфического историко-географического пространства необходимо учитывать, как происходит процесс его «выделения» из общего мира национальной культуры. Особую роль начинают играть адаптивно-адаптирующие (Э. Маркарян) механизмы культуры, действие которых можно обнаружить, если обратиться к историческому опыту отдельных людей и микро-сообществ. Содержательный анализ географической среды дает материал об адаптации к конкретным природным условиям, выработавшейся на протяжении исторического развития отдельной культурной общности и нашедшей свое воплощение в формах духовного освоения мира и в материальных артефактах; обращение к исторической географии позволяет проанализировать феномен межкультурной коммуникации; описание ценностно-нормативной системы, транслируемой обществом индивиду и усваиваемой (или не усваиваемой) им, делает возможным связать воедино «ядро» культуры и его актуальное состояние; обращение к социально-психологическим особенностям личности открывает способы самоидентификации личности и формы ее самоактуализации в конкретной исторической ситуации.

Для описания данного явления введем ряд определений. Прежде всего – термин «материнская культура». Мы будем использовать его как синоним «русской культуры центрально-европейской России». Другой используемый нами термин – «региональная культура». Традиционно его использовали для обозначения культур, находящихся на определенных территориях, по преимуществу – в других странах. Специфика культуры связывается с региональной спецификой конкретной историко-географической области (культура Востока, культура Запада, или – ана-

лиз особенностей отдельных культур, например, Латинской Америки или Франции). Мы предлагаем использовать этот термин для описания многообразия культур, находящихся внутри России. Региональная культура генетически связана с национальной культурой, *соотношение национальной культуры и ее регионального варианта может быть рассмотрено как связь общего и особенного*. Эта связь носит диалектический характер: на разных этапах и уровнях их взаимодействие проявляется по-своему, то определяющим «лицо культуры» становится общенациональная, то региональная культура.

Для того чтобы в конкретной территории сложилась своя региональная культура, «материнская» культура должна пройти несколько этапов.

Первый – это включение данного географического пространства в поле освоения «материнской» культуры (ситуация «открытия» в той или иной степени характерна для многих регионов России: осваиваются Урал, Сибирь, Дальний Восток, Юг России, в более позднее время – территория Восточной Пруссии – Калининградская область). Второй этап – это освоение новой родины переселенцами (миграция населения из Центральной России и Русского Севера на Урал и дальше в Сибирь, освоение южнорусских земель казаками, украинцами, белорусами).

На этом этапе происходит физическое и символическое включение территории в состав России. «Физическое» – включение территории в административный состав русского государства – намного предшествует «символическому». «Символическое» – обретение смысла существования людей, связанного с местом их жизни, с представлением о роли, которую призвана играть данная территория в судьбе страны (быть кладовой природных богатств, как Урал или Сибирь, выполнять функцию охраны рубежей, южных, восточных или западных) – приходит позже, тогда, когда люди активно осваивают территорию в ходе практической деятельности и начинают ее осознавать как «свою».

Жители из разных областей страны, являясь носителями, с одной стороны, «материнской» культуры, с другой, привнесенных в нее особенностей, связанных с местом прежнего проживания (это лучше всего представить на примере языка, существующего как единый, общий для всех носителей, и диалектный, характерный для данной местности), стремятся адаптироваться к конкретным формам существования, однако сохраняют в различных культурных формах (от одежды и жилища до языка и обрядности) черты прежней жизни.

На следующем этапе начинает осознаваться «связь с местом», выражающаяся в определенных способах хозяйствования, в организации социальной жизни. Вступая в межкультурную коммуникацию с коренными народами и переселенцами из других регионов, люди начинают осознавать собственную идентичность именно как людей, живущих в данном пространстве. На этом этапе формы жизни еще несут особенные черты тех мест, из которых переселились люди. Этот этап можно рассматривать как переходный от культуры региона к региональной культуре.

Четвертый этап отличается тем, что люди, живущие в конкретной территории, воспринимают ее как свою родину, происходит обретение региона как «смысла-для-себя». Характер производства и социальной жизни

ни, осознание собственной особенности и значимости в судьбе страны, сформировавшийся этос и нашедшие свое воплощение эстетические ценности – все это дает право называть культуру жителей конкретного региона *региональной*.

Следующий этап связывает национальную и региональную культуру новыми по характеру связями: не представляя себя вне «большого целого», регион ощущает собственную значимость и стремится влиять на судьбу «целого». Таким образом, он на этом этапе превращается в форму существования национальной культуры, одновременно обеспечивая ее развитие, сохранение внутреннего динамизма. Другой формой влияния региона может быть исполнение им специфической хозяйственно-экономической роли (например, обеспечение выхода к Балтийскому морю или к Тихому океану), иногда с политическим оттенком («уральский» или «петербургский» след в политической истории современной России). Еще одно проявление подобной тенденции связано со стремлением представителей региональных культур оказывать влияние на изменение духовного климата в целом. На наш взгляд, такой феномен русской культуры 70-х гг. XX в. как появление сибирских писателей-«деревенщиков» стал не только явлением в искусстве, но и выступил индикатором нравственного состояния общества.

Интересно, что не всякий регион производит свою, региональную культуру. Так, можно говорить о региональной культуре применительно к Уралу, Сибири, Югу России. Однако области центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, исторически они находятся в рамках «материнской» русской культуры. Даже в обыденном сознании слова «русская культура» закреплены географически: они ассоциируются с центральной Россией, тем, что называлось Москвией. Отдельными территориями можно назвать Русский Север, который воспринимается как квинтэссенция русской культуры, связанный с другим древнерусским центром – Новгородом, и собственно столичные центры – Москву и Петербург.

Принадлежащие региональной культуре личности и произведенные в ее рамках артефакты становятся определенным образом маркированными: они получают статус атрибутов данной культуры. Не отрицая их национальной принадлежности (феномены русской культуры), они становятся еще и региональными репрезентантами. Это наличествует в личностных характеристиках (ср. закрепленные в обыденном сознании – «москвич», «петербуржец», «сибиряк», «донской казак») и в артефактах (каменное искусство как визитная карточка Урала).

Таким образом, *региональная культура, определяемая условиями существования людей и определяющая формы их существования, является интегрирующим началом жизни в конкретной территории.*

Исходя из такого понимания феномена региональной культуры, закономерным представляется онтологический анализ, который предлагается вести в двух аспектах – как формы бытия и как формы регионального самосознания, связанных между собой как фазы ее генезиса.

К первому аспекту анализа относится рассмотрение особенностей региональной культуры в контексте связей «природа – культура» и «культу-

ра – социум». Отправной точкой в анализе региона становится специфика географической среды. Природно-климатические условия, наличие тех или иных полезных ископаемых, особенности ландшафта – все это становится серьезными предпосылками для развития определенного типа жизнедеятельности и способов хозяйствования на данной территории. Особую значимость на этом этапе приобретают вопросы заселения территории, взаимоотношений человека и ландшафта, проблемы этногенеза. В каждом конкретном случае регионального анализа эти общие вопросы наполняются собственным содержанием. Так или иначе уже на уровне дифференциации пространства возникает представление об особенностях возникающей на определенной территории культуры.

Возникающие в процессе преобразования природной среды типы поселений, особенности застройки, специфика хозяйственно-бытовой деятельности и т.п. создают новую, не свойственную собственно ландшафту, но присущую именно миру культуры, среду существования определенного человеческого сообщества. Другим важнейшим условием, определяющим облик региональной культуры, является формирующаяся здесь специфика социальных отношений и связей, включающая особенности социальной структуры, социального статуса личности, системы и форм коммуникации. Еще одним элементом, сущностно характеризующим региональную культуру, выступает наличие артефактов как продуктов творчески-преобразующей деятельности локального социума.

Ко второму аспекту относится рассмотрение региональной культуры в контексте «бытие и сознание» и, наконец, в отношении культуры к самой себе. В содержательном смысле региональная культура раскрывается здесь через характеристику специфики мироощущения и миропонимания членов регионального сообщества, особенности картины мира, идентичности и самосознания личности и локального социума, посредством формирования системы знаков и значений.

Природная среда оказывается освоенной человеком не тогда, когда начинается хозяйственная деятельность на определенной территории, но тогда, когда происходит «символическое присоединение» места. Семиотическое исследование топохронов (определенных культурных миров в заданных пространственно-временных координатах) позволяет реконструировать процесс символического освоения места жизни, дает возможность обозначить «вертикали» и «горизонтالي» культурного ареала, выявить закрепленные во времени и пространстве ценностно-значимые ориентиры.

Следующим этапом анализа региональной культуры становится описание сложившихся образов мира: пространства (прошлого и настоящего), конкретных исторических личностей и легендарных героев, почитаемых на данной территории. Появляется возможность уточнить само понятие «регион», включив в него не только пространственные и экономические характеристики, но и представление о некоем множестве людей, обладающих при всей их индивидуальной различности некими общими качественными характеристиками. В пространственно-временных координатах на конкретной территории складывается определенный способ

жизни, который, как нам кажется, придает краю единство и формирует в его жителях специфическую региональную идентичность.

Под *региональной идентичностью* мы понимаем *характеристику связи, которую ощущает житель определенной территории (региона) с местом его жизни, и типа личности, который формируется на данной территории и в деятельности которого находит выражение «дух региона»*. Эта связь с местом может носить явный или скрытый характер, но обязательно оказывает воздействие на существование человека. При этом для отдельного индивида проблема внутренней идентичности (насколько я как человек, живущий в данной территории, осознаю себя ее частью) может и не быть сущностно значимой (зачастую достаточно ощущать свою привязанность к месту) и носить неосознанный или нерелексивный характер. В то же время внешняя идентичность (быть для себя и для других представителем данного региона), как правило, осознается и воспринимается человеком как составной элемент его собственной личности.

Осознание ценности «места жизни» приобретает особую значимость для регионального сообщества (людей, живущих в данной территории). Под *региональным самосознанием* мы понимаем *осознание, целостную оценку региональным сообществом самого себя, специфики своего существования, роли и места в жизни страны, понимание целей, движущих сил и мотивов своего развития*.

Осознание принадлежности к определенному региональному сообществу может быть рассмотрено как составной элемент самосознания индивида и социума вообще. Это осознание может быть представлено как многокомпонентная структура: от ощущения близости определенной группы людей, проживающих на данной территории (образу жизни, ценностной системе, традициям, историческим корням) через понимание и осознание общности судьбы к осмыслению регионального сообщества, к которому принадлежат люди, как самостоятельного субъекта действия.

Интересно, что феномен регионального самосознания типологически близок довольно хорошо изученному в науке явлению этнического самосознания, с той лишь разницей, что региональное сообщество по преимуществу полиэтнично и создало на протяжении своей истории свои формы жизни единства этносов в многообразии.

Раскрывая специфику самосознания людей, живущих в определенной территории, мы тем самым создаем предпосылки для описания артефактов, свойственных данной региональной культуре, на новом уровне – именно как репрезентантов определенного способа мироотношения и мировосприятия.

Методика анализа региональной культуры была бы, на наш взгляд, неполной без включения в нее систем трансляции социального опыта, особое место среди которых в современной культуре занимают системы образования. Аккумулируя и передавая социально-культурный опыт, сложившийся на определенной территории, система образования призвана воспитывать ценностное отношение к родной культуре, формировать чувство причастности к культуре региона и культуре страны.

Важным дополнением к анализу региональной культуры в онтологическом плане является ее рассмотрение с точки зрения функциональности, который представлен во втором параграфе **«Функциональная модель региональной культуры»**.

Региональная культура выполняет для локальной территории те же функции, что и «материнская» для всей страны: *человекотворческую*, созидая определенный тип личности; *регулятивную*, выступая регулятором общественных отношений (на уровне устоявшихся местных норм и принятых законов); *аксиологическую*, формируя систему ценностей, опираясь как на традиции «пришлых людей», так и на традиции местных жителей; *символическую*, наполняя пространство жизни символами; *коммуникативную*, которая в региональной культуре выходит на первый план, определяя тип личности, задавая вектор развития индивиду, регулируя социальные отношения.

Поскольку региональная культура формируется на основе национальной культуры и понимает ее как свое внутреннее ядро, постольку адаптация «материнской» культуры к определенным условиям человеческой жизни может быть рассмотрена как первый опыт коммуникации. Такой тип коммуникации можно описать через возникающие в региональной культуре артефакты (одежду, жилище, бытовую утварь и пр.). Этот тип коммуникации присущ первому этапу взаимодействия «материнской» культуры и новым пространственно-географическим условиям ее существования. Результатом этого процесса становится включение в актуальную культуру людей (переселенцев и местного населения) новых форм жизнеустройства, и, как следствие, формирование системы описания этих новых форм. Более отчетливо это видно в языке, активно заимствующем «имена» для описания повседневности.

Следующий уровень коммуникации связан с процессом духовного освоения действительности, формированием символических систем. Человек, осваивая определенное пространство жизни, вступает в диалогические отношения с природным миром, с коренными насельниками данной территории, с другими «пришлыми» людьми, с миром «духовных сущностей». В ходе этих множественных связей формируются мифологические представления о реальности, создаются символические системы.

Для осознания собственной идентичности требуется понимание единого символического ядра, служащего объединяющим началом для жителей той или иной социальной общности. Символами, репрезентирующими определенное сообщество и служащими знаками его консолидации, могут стать закрепленные *в географическом пространстве* артефакты (крепости, храмы, различные типы поселений, административно-хозяйственные учреждения); закрепленные *в социальном пространстве* человеческие типы (которые объединяют характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории); закрепленную *в ментальном пространстве* официальную символику, представляющую регион. Процесс символизации пространства жизни становится условием существования социума как единой системы. Это необходимое условие коммуникации, в ходе которой происходит своеобразная дифференциация мира жизни на «свой» и «чужой».

Результатом этой символической деятельности можно считать формирование *языка* как свидетельства завершенной духовной освоенности жизненного пространства. Для региональной культуры характерно формирование особых языковых форм (фонетических, лексических, синтаксических), позволяющих описывать реальность максимально точно, и зафиксированное в говорах. В языке жителей отдельного региона можно обнаружить несколько пластов: один связан с общерусской лексикой, адаптированной к условиям жизни, другой представляет собственно языковое творчество русских поселенцев, третий – заимствования у других народов, населявших край. Взаимоотношение языковых пластов может рассматриваться в том числе и как модель коммуникации в региональной культуре.

На региональную культуру можно посмотреть как на своего рода текст, который становится реальностью при осознании и/или прочувствовании-переживании человеком. В этом тексте актуализируются смыслы и ценности, выработанные общенациональной культурой, но индивидуализированные и интериоризированные в ходе духовно-практической деятельности человека в конкретных условиях. И прочитывается этот текст как символическое единство элементов, ценностно-значимых для жителей той или иной территории.

Ценность можно рассматривать как основу и фундамент всякой культуры (П. Сорокин). Одним из результатов деятельности людей по усвоению ценностей культуры можно рассматривать символизацию пространства жизни (если понимать под символом наглядное представление ценностно-значимых для человека и социума явлений). Символическая деятельность есть процесс освоения, становления и трансляции культурного опыта. Воплощением этой символической по природе деятельности становится *формирование мифологических систем*. Являясь формой существования и способом описания мира как единого целого, миф становится тем фактором, который позволяет конституировать реальность, утвердить ее в сознании людей. Опираясь на работы, посвященные изучению мифа, структур мифологического сознания и социальных функций мифологии (Р.Веймана, Э.Голосовкера, К.Леви-Стросса, А.Посева, Е.Мелетинского, М.Стеблин-Каменского, В. Топорова, О. Фрейденберг, К.-Г.Юнга, М.Элиаде и других), сегодня мы можем говорить о мифе как о центральном образе картины мира.

Миф – это целостное знание-представление о мире; это ключ к пониманию происходящего в мире; это то, что связывает земное и небесное. Миф выступает в функции хранителя коллективной памяти (мемориальная функция) и одновременно сам является воплощенной памятью. Миф связывает и направляет социальную энергию, он созидает коллективы, обеспечивая координацию действий отдельных индивидов. Миф формирует личностную и коллективную идентичность. Миф созидает, формирует и структурирует пространство социальной жизни как пространство символическое. Более того, миф становится основанием для социальной коммуникации: человек вступает в отношения информационного обмена с местом жизни и национальной культурой. В ходе создания региональных

мифов происходит актуализация «матриц» сознания, способов мироотношения и миропонимания, свойственных национальной культуре.

На региональную культуру можно смотреть как на особую общность: в ее поле сосуществуют как равнозначные и равноценные элементы не только национальной культуры, но и элементы, свойственные другим этническим культурам и освоенные в ходе межэтнической коммуникации на определенной территории. Региональная культура становится, таким образом, интегратором этнически разнородных элементов, обеспечивая в рамках локальной территории возможность межкультурного и межэтнического взаимодействия и реализуя на практике модель поликультурного единства.

Рассмотрение специфики функционирования региональной культуры позволяет по-новому взглянуть на культуру страны. Россия представляет собой единство разнородных элементов: этнокультурных и поликультурных (региональных) общностей. Сознание россиянина – это напластование культурных знаков и значений, усвоенных в процессе жизни. При этом особую значимость приобретает непротиворечивость универсальных и личных смыслов. Освоение культуры России каждым конкретным ее жителем ведется через обретение личных смыслов, опосредованных локальным сообществом. Региональная культура становится тем адаптивным механизмом, который объединяет национальные и наднациональные ценности, обеспечивая идентификацию россиянина. Изучение региональной культуры как структурообразующего элемента культуры России позволяет сформировать положительную идентичность, дает возможность человеку обрести непосредственную связь с миром, осознать себя частью большого целого.

В третьем параграфе **«Культура как интегратор регионообразующих факторов»** раскрываются новые возможности внутренней регионалистики, обращающейся к категории региональной культуры, которые позволяют изменить видение региона, осознать его роль в трансляции ценностей национальной и общероссийской культуры, понять его уникальность и одновременную вписанность в культурное пространство страны и мира, открыть особенности сформировавшегося типа личности, способов коммуникации, форм духовного освоения мира. Делая культуру тем магическим кристаллом, в котором отражаются все стороны человеческой жизни, можно более глубоко осознать и специфичность современной социальной ситуации, найти наиболее адекватные для населения конкретного региона формы включения в единое пространство России и тем самым скорректировать пути реформирования страны, сделав их более органичными.

Географы, экономисты, социологи выделяют разнообразные факторы (экономические, политические, социально-психологические, демографические и другие), которые позволяют увидеть регион как целостную систему социальных связей, характерных для данной территории. Однако для того чтобы это единство состоялось, необходимо чтобы жителями региона место их жизни было освоено как собственное и значимое, чтобы выработался определенный способ связи с местом жизни, выкристаллизовался определенный тип мироотношения и миропонимания. Таким ин-

тегратором социальной жизни конкретного региона становится культура. Она позволяет не только осознать регионообразующие факторы, но дополняет их дополнительным значением.

Географическая составляющая при анализе региона включает в себя описание природно-климатических условий и природных ресурсов, характерных для данной территории, но уточняется за счет включения в описание символов и кодов, проецируемых культурой данного региона на освоенное ею пространство.

Введение понятия «культурный ландшафт» позволяет современным исследователям (К. Зауэр, К. Солтер, Р. Кабо, И. Валлерстайн, Ю. Веденин, А. Дружинин, Д. Замятин, Р. Туровский, И. Корнев и другие) анализировать природу и культуру в их единстве и тесном взаимодействии. Символическое насыщение географического пространства в ходе освоения его человеком также позволяет осознать его как «культурное», делает его семантически наполненным и значимым. Анализ регионального пространства как геокультурной общности позволяет описать специфику культуры, возникающей и развивающейся в отдельно взятой территории.

Историко-культурная составляющая включает историю заселения и освоения региона, сформировавшийся в данном регионе тип культуры и доминирующий тип личности, закрепившиеся в общественном сознании.

Опыт описания историко-культурного пространства в контексте проблем истории заселения и формирования устойчивых общностей особенно активно развивается в исторической географии (в частности, в работах М. Витова, М. Громыко, Л. Гумилева, М. Любавского и других). Однако, обращаясь к истории взаимоотношений человека и окружающего ландшафта, исследователи исторической географии в большей степени акцентируют аспекты, связанные с историей изменения географической среды в связи с деятельностью человека. В логике историко-культурного анализа возможно обращение к типу личности, сформировавшемуся на определенной территории в определенное время. Само представление о типе личности позволяет связать воедино внешние условия существования человека (географическое измерение и историческую обусловленность) с внутренним миром («присвоение» мира и активная деятельность в соответствии с ценностными ориентациями), обнаружить востребованность определенного человеческого типа в определенных условиях функционирования культуры. Историко-культурный анализ дает возможность не только вписать личность в определенный исторический контекст, но и связать (или – противопоставить) индивидуальный опыт человека и социально детерминированную модель.

Демографическая составляющая наряду с традиционными проблемами расселения населения и размещения трудовых ресурсов, динамики миграций, сформировавшихся агломераций населенных пунктов, обращаясь к функционированию культуры, включает исторический анализ миграций, связанный с перемещением народов (например, в ходе индустриализации), обусловивший те или иные формы организации социальной жизни и способы освоения природного мира.

Этнокультурная составляющая связывает воедино рассмотрение культур отдельных этнических групп (системы ценностей, язык, религиоз-

ные верования, обряды, традиции), проживающих на данной территории и процессы межкультурного взаимодействия этносов.

Социально-психологические факторы обуславливают региональную идентичность (как национальную, так и наднациональную, связанную с той культурой, которая развилась в данном регионе) и влияют на формирование регионального самосознания. Они во многом оказываются связаны с теми социальными мифами, которые существуют в актуальном сознании жителей региона.

Ценностно-ориентирующая составляющая позволяет рассмотреть региональную систему ценностей как один из вариантов общекультурной системы, проанализировать, какие ценности, воспринятые личностью, связывают ее (личность) с местом ее жизни и что становится значимым в каждый конкретный период развития культуры региона.

Политико-экономические факторы обращают к типу административно-территориального деления, статусу территории, позволяют проанализировать систему органов социального управления, взаимоотношения различных политических партий и организаций и их роль в жизни региона, состояние экономики, интеграционные и дезинтеграционные процессы, происходящие в регионе и обусловленность внутрирегиональными и общегосударственными проблемами развития, а также связать деятельность отдельных политических и экономических систем с тем типом культурного взаимодействия, который сложился в данном регионе.

Характеризуя связи между регионообразующими факторами, отметим, что они составляют не конгломерат разнообразных явлений, а определенное единство, интегрирующим началом которого и становится региональная культура. В качестве интегратора регионообразующих факторов культура может быть рассмотрена как система, раскрывающая, с одной стороны, специфику жизнедеятельности людей в данной территории, с другой, ценностное отношение к социальным связям, которые возникают как внутри территории, так и в ее отношении к другим регионам и «центру». Такой подход позволяет не только описать механизмы адаптации национальной культуры к региональным особенностям, но оценить степень продуктивности и качество культуры, ее воздействие на личность человека и региональное сообщество.

Региональная культура становится серьезным фактором существования локального социума тогда, когда члены этого социума осознают себя как некое единство, идентифицируют себя с конкретной территорией, ощущая себя связанными с нею не только производственными связями, но и транслируемыми ценностями, среди которых значимость места жизни в судьбе ее жителей и судьбе страны ощущается как доминантная. Анализу региональной идентичности и регионального самосознания посвящен четвертый параграф **«Региональная идентичность и региональное самосознание»**.

Региональная идентичность может быть описана как внутреннее самоощущение человека (в логике «Я – такой»). Как правило, обнаруживается тесная связь внутренних качеств личности с местом жительства. Можно предложить типологический ряд, где самоощущение человека передается через его принадлежность к определенной территориальной

целостности: москвич, петербуржец, помор, донской казак, уралец, сибиряк, северянин и др. В этих названиях соединяются воедино принадлежность к определенному региональному сообществу и набор личностных качеств, закрепившихся в обыденном сознании (достаточно вспомнить традиционный для культуры советской эпохи образ петербуржца как «старого интеллигента» или сформировавшийся в ходе освоения Западной Сибири и Севера тип северянина – грубоватого «работяги» и отзывчивого человека, готового прийти на помощь).

Поиск оснований для многих людей стал одной из вех на пути самоосознания. Стали появляться исследования, посвященные не только проблемам персональной идентичности, но и затрагивающие разные группы идентичностей, в том числе региональную. Анализ работ, посвященных настоящей проблеме, позволяет сделать вывод, что сугубо территориальной привязкой дело не ограничивается. В контексте проблемы региональной идентичности возникает представление об исторически сложившихся региональных общностях. Среди них можно назвать Сибирь и сибиряков, Дон и донских казаков, Урал и уральцев.

Говорить о региональной идентичности в отрыве от представления о принадлежности более широкой общности – россиянам – некорректно. Полагаем, что соотношение региональной идентичности и идентичности общероссийской соотносятся как частное и общее. Человек, ощущая себя гражданином страны (россиянин), осознает свою связь с локальной целостностью, которая для него репрезентирует большое целое. Возможно и обратное, он ощущает свою принадлежность локальному как составному элементу единого целого. В обоих случаях эта связь видится как неразрывная и взаимообусловленная, дающая представление о так называемой «двойной идентичности».

Можно говорить об идентичности первого порядка – региональной и идентичности второго порядка (принадлежности большей общности) – общероссийской. В ряде регионов с этнически относительно однородным населением идентичность региональная может совпадать с этнической (двухступенчатая система); в тех регионах, где население этнически разнородно, региональная идентичность занимает более «высокий этаж», чем этническая (трехступенчатая система). В любом случае идентичность, соединяющая региональный и общероссийский уровни, в сознании современного человека присутствует.

Несмотря на происходящие изменения феномен региональной идентичности не исчезает, а, напротив, гораздо более отчетливо заявляет о себе в новой ситуации «открытого» мира. То, что выше мы назвали внешними признаками региональной идентичности, выходит сегодня на первый план. Оппозиция «Я – Другие» позволяет описать человека, принадлежащего к определенной региональной общности, как определенный тип (с набором антропологических, социальных и личностных характеристик).

Возникает вопрос, кто же тот «другой», которому эти образы противопоставлены? По идее, им должен быть представитель другой региональной культуры, но, как ни странно, это скорее «среднестатистический», унифицированный и стандартизированный «одномерный человек» (Г.

Маркузе). Он не принадлежит ни русской, ни какой бы то ни было другой национальной культуре, он «массовый человек», похожий на всех, но не имеющий индивидуального лица. Сравнение с ним дает возможность обнаружить «непохожесть» людей, принадлежащих различным культурным сообществам.

Региональная идентичность создает возможность для человека осознать собственную значимость, в том числе и как части определенного сообщества, ощутить свою принадлежность малой и большой родине.

Связь понятий «идентичность» и «самосознание» настолько тесная, что зачастую не удается эти понятия развести. В самом общем виде терминологическая дифференциация может быть осуществлена на уровне «ощущение-осознание». Понимая под ощущением первый шаг на пути к познанию себя и мира, а под осознанием целостную оценку человеком самого себя, можно предположить, что идентичность в большей степени связана с самоощущением человека, в то время как самосознание тяготеет к рефлексивно-осознанной деятельности.

Можно предположить, что для отдельной личности проблема регионального самосознания не стоит, она сливается с представлением региональной идентичности. В то же время для региона – определенного социального целого, не сводимого к сумме индивидов, его составляющих, самоосознание является необходимым условием существования, поскольку опредмечивается оно в формах духовной деятельности людей и воплощается в артефактах: во многом о развитости той или иной культуры мы можем говорить, обратившись к представлению социума о самом себе (от мировоззрения до повседневности) и оценке его «другими».

Анализ феномена региональной культуры приводит к постановке существенной проблемы – *проблемы самосознания региональной культуры*. Ее можно рассматривать в разных плоскостях: анализа философских концепций, видов и форм искусства, научных школ и образовательных систем, сформировавшихся на данной территории.

Анализ региональной идентичности и регионального самосознания дает основание говорить о связи индивидуального образа человека, живущего в данной территории и ощущающего себя составной частью регионального сообщества, и региональной культуры в целом как формы самосознания регионального сообщества, а также позволяет осмыслить место региональной культуры в системе общенациональной культуры.

Приступая к анализу культуры Урала, мы должны оговориться, что, несмотря на многочисленные исследования отдельных этапов исторического развития региона, описания отдельных явлений и артефактов, к настоящему времени мы не имеем целостного описания истории культуры Урала. Главная причина нам видится в том, что ее рассматривали в качестве культуры региона, т.е. как некоего отражения, повторения национальной культуры, отличающегося лишь какими-то нюансами и отдельными самобытными чертами. Понимание культуры Урала как региональной культуры впервые создает основу для того, чтобы раскрыть ее подлинное своеобразие, показать закономерности и логику развития (тем самым ее анализ приобретает концептуальный характер). Осуществление такой задачи означает, по существу, пересмотр прежних представле-

ний и проведение заново исторической реконструкции развития культуры Урала.

Во второй главе **«Региональная культура Урала как социально-личностный феномен»** анализируется геокультурное пространство Урала, рассматриваются особенности горнозаводского типа культуры, делается попытка описать тип личности уральца.

В первом параграфе **«Особенности геокультурного пространства Урала»** региональное пространство рассматривается как особая геокультурная общность, что позволяет обнаружить, с одной стороны, как географическое пространство наполняется смыслами, которые продолжают жить до сегодняшнего дня, с другой, как трансформируются смыслы культуры на протяжении исторического времени. Представление об Урале как о едином ареале обусловлено исторически, и, прежде всего, связано с характером человеческой деятельности по символизации и «присвоению» географического пространства. Описываются «вертикальная» и «горизонтальная» оси пространства Урала, раскрывается, как в природно-географической системе координат появляются «горизонталь» и «вертикаль» культурного мира, связанные с деятельностью человека. Осваивая пространство Урала, человек в процессе своей деятельности закреплял в архитектурной планировке поселений свое представление о картине мира, наделяя его смыслами. В самом акте создания городов можно обнаружить, как активная деятельность человека создает рукотворный космос, организуя мир.

На примере истории г. Верхотурье рассматриваются проблемы символизации географического пространства как одного из значимых факторов, формирующих региональное самосознание.

Города-заводы, возникающие на Урале с XVIII в., ориентируются на свою систему координат: «вертикаль» связывала город-завод с недрами земли, «горизонталь» – с рекой. Такая система координат нашла свое пластическое воплощение в архитектурной планировке городов-заводов. «Вертикаль» городской застройки определяется тем, что в ансамбль заводского поселка всегда входила, связывая земное и надмирное пространства, церковь.

На примере истории г. Екатеринбурга рассматривается как ценности культуры получали свое воплощение в архитектурной среде города.

Описание регионального пространства продолжается при характеристике его *границ*. Пограничный характер географического положения региона (быть водоразделом между двумя равнинами) в культурном освоении приобретает семантику жизни «на границе Европы и Азии», несмотря на то, что географически граница проходит не по центру, а по восточному склону главного хребта Уральских гор. Ощущение жителя Урала, что он принадлежит и Европе и Азии, наложило свой отпечаток на само восприятие и организацию жизни. «Европу» и «Азию», «просвещение» и «варварство» обнаруживают в характере промышленного производства, где достаточно долго сочетались передовые технологии производства металла и варварская вырубка леса. Или в жизни «горного города», затянутого в мундир с жесткой практически палочной дисциплиной, и формирующейся просвещенной интеллигенцией.

Жизнь «на границе Европы и Азии» ориентирует по частям света не только в отношении к векторам развития, но и во вполне закреплённых пространственных представлениях о границах «своего мира». Более того, наличие достаточно условной линии границы между континентами позволяет ощутить ее в качестве «символической оси» не только самого Урала, но и России в целом.

И если границы Урала на западе четко фиксированы (и связано это в большей степени с уже освоенным и опредмеченным характером пространства Центральной России), то восточная граница смещалась по ходу заселения и колонизации. И даже то, что Урал достаточно долго рассматривали как составную часть Сибири, свидетельствует о нечеткости и неявленности границ. Эта незавершенность и неопредмеченность пространства заставляла двигаться все дальше и дальше на восток (организация приисков уральскими купцами-золотопромышленниками в Сибири), формировала тип землепроходца и первооткрывателя. С другой стороны, бесконечность и безграничность пространства влияла на характер человека: и здесь как два полюса жизни существуют «разгульные купцы» и внутренне определенные (даже жесткие) старообрядцы.

В самом понятии «граница» заложена бинарность конструкции. Она символизирует пространство связи различных культурных миров. Применительно к Уралу необходимо, прежде всего, обозначить контактность границ: в ходе заселения края интенсивно идет процесс межэтнического и межкультурного взаимодействия.

При этом семантика «границы» усложняется не только необходимостью разнообразных контактов с местным населением, но и с необходимостью защиты от нападений этого же местного населения (можно в качестве примера вспомнить, что строительство екатеринбургского завода ведется с учетом возможных нападений башкир). Факт начального противостояния тоже может быть рассмотрен в контексте формирования идентичности: территория уже была «чьей-то», а затем становится «нашей».

Оппозиция *мы* и *они* (пришельцы и коренные жители) для каждой из сторон была дополнительным фактором самоосознания (от того, с кем связывает человек свою прежнюю, до встречи с *другими*, жизнь, можно многое сказать о его самоощущении). Эта вечная ситуация *встречи* на Урале оказалась менее конфликтной, чем могло бы быть.

Границы – это внешние очертания. Их смысл углубляется при детализации пространства. Вводится еще одна система координат: *центр – периферия* геокультурного пространства. На примере истории старообрядцев г. Невьянска рассматривается идея духовного центра. Города-заводы становятся центрами концентрации хозяйственной деятельности и административных органов, приобретая функцию консолидации и структурирования пространства. Следующим этапом анализа семантики «центра» является включение его в оппозицию «центр-периферия». Проблема соотношения центра и периферии применительно к региону видится как исторически созданная иерархическая система, ценностно-значимым ядром которой являются крупные города – мегаполисы.

Оппозиция «центр-периферия» включает региональное пространство в более сложную систему отношений – взаимоотношения столицы (цен-

тра Российской государственности) и «провинции» (регионального пространства). Географическая удаленность Урала от столиц создавала определенные условия для самоопределения и самоорганизации жизни региона, заставляла людей проявлять как лучшие, так и худшие качества личности. Обратная сторона удаленности от центральной России видится в том, что на край достаточно длительное время смотрят как на богатую кладовую, культурная ценность которой во внимание не принимается.

Описание геокультурного пространства Урала выводит на более серьезную проблематику, связанную с самоопределением региона, с обретением им своего лица и осознанием своей роли, места и судьбы, а для его жителей – с осмыслением собственной идентичности.

Во втором параграфе **«Особенности горнозаводской культуры»** дается характеристика специфического типа культуры, сформировавшейся на Урале.

В крае исторически сложился особый горнозаводской тип культуры со своими специфическими формами организации социальной жизни в крае, связанными с промышленным освоением Урала, строительством заводов и особым типом землевладения, со своими сложившимися социальными группами. Специфические виды деятельности (горнорудное, железоделательное производство, рудознатьство, старательство, работа с камнем в самом широком смысле слова), которые были освоены на Урале, не могли не сказаться на самоощущении его жителей, на осознании ими своей особенности.

В замкнутой локальной ситуации, в которой край находился на протяжении XVIII-XIX вв., люди понимали себя как тех, «кто живет на Камне» (а были те, кто жил на Белом озере или на Волге). Данность этой ситуации не требовала дополнительного осмысления. Когда Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературе «открывает» центральной России и, прежде всего, образованному столичному читателю Урал с его особым населением, особым миропониманием, особым способом жизни «горного гнезда», оказывается, что внутри огромной России существует целый регион, чье население живет «как-то не так», выработав собственные способы мироотношения, этику поведения, формы духовной жизни и практической деятельности.

Специфическими чертами горнозаводского уклада был его «промежуточный» характер: полурабочего-полукрестьянского образа жизни. От крестьянского горнозаводский мир унаследовал тесную связь с природным циклом. Устойчивость традиций обеспечивалась за счет повторяемости календарного цикла, на которой зиждился земледельческий труд, и религиозных оснований. Система религиозной жизни на Урале определялась и во многом обеспечивалась жившими здесь раскольниками, основой жизненного уклада которых, в свою очередь, были «древнее благочестие» (дониконианское существование православия) и «отцовский чин». Строгая регламентация не только религиозной жизни, но и поведения, быта позволяла не только сохранять «древние» формы, но обеспечивала воспроизведение определенного типа личности, для которой связь с традицией становилась связью с подлинным бытием.

Традиционность жизненного уклада позволила сохранить на Урале формы народной культуры, характерные для русской жизни XVI-XVII вв.

(народное жилище камско-волжского подтипа славянского крестьянского дома, песенный фольклор, народный праздник и т.п.), наследовать те формы духовной жизни, которые уже ушли в прошлое (от богослужебных книг, икон и пения «по крюкам» до жизни по законам домостроя и представлении о месте человека в мире). Это не было консервацией традиции, это была «живая жизнь», развивавшая одну из ветвей русской культуры (традиции допетровской Руси) в создавшихся в регионе условиях.

Горнозаводскую культуру можно рассматривать как один из вариантов народной культуры, как особый (региональный) тип культуры, тесно связавший традиционную крестьянскую и собственно городскую ветви, устойчивость со способностью и своеобразной настроенностью-восприимчивостью к новому. Урал был тем регионом, где сохранялись и развивались древнерусские традиции, адаптируясь к новым модернизированным формам культуры.

Подтверждением нашим размышлениям может служить характер творчества в горнозаводской среде. Для горнозаводской культуры свойственно сохранение традиционных форм жизни в сочетании с проявляемой индивидуальностью человека. Сочетание коллективного опыта со стремлением к оригинальности особенно ярко воплотилось в произведениях уральских художественных промыслов. В то же время в большей степени, чем в городской среде, в культуре горнозаводского типа нашли свое выражение черты народного миропонимания. Горнозаводскую культуру мы можем назвать в этом смысле скорее наследницей традиционной народной культуры, нежели культуры городской именно потому, что в созданных руками мастеров предметах (так же как и в фольклоре или в языке) присутствовало представление о связи общего и единичного, в каждом отдельном элементе, в каждой вещи отзывалось представление о миропорядке. Другое дело, что «космос» был в очень большой степени мотивирован промышленным производством (среди «элементов мира» безусловно первое место занимали огонь, металл и камень).

Говоря о взаимодействии горнозаводской культуры с собственно городской, нельзя не отметить, что в самой среде горнозаводского населения присутствовали те, кого традиционно называют «носителями просветительских ценностей», – разночинная демократическая интеллигенция. При своей немногочисленности именно эта среда транслировала ценностное представление об образовании, просвещении, своеобразных жизненных стандартах, ориентировала на общественную значимость собственной деятельности.

При всей «промежуточности» горнозаводская культура не была маргинальной, во многом именно потому, что опиралась на устойчивую систему ценностей и продуцировала свой тип личности. По сути, мы имеем дело с ситуацией, когда на отдельной территории сформировались особые формы культуры, несколько отличные от общероссийских, связанные с другими условиями жизни и способами хозяйствования, с бережно хранящимися образами допетровской Руси, со своими способами коммуникации (в самом широком смысле слова – от диалектных языковых форм до «тайного знания» народных верований). *Этот сложившийся тип*

культуры можно с полным правом назвать региональной культурой внутри общероссийской.

В третьем параграфе «**Региональная идентичность и тип личности уральца**» рассматриваются особенности региональной идентичности уральца.

Региональная идентичность жителя Урала тесно связана с осознанием общенациональной идентичности. Прежде всего, и это исторически обоснованно, «пришлые» на Урал люди связывали себя с местом, откуда они были родом (с русского Севера, из Курской области, из Тулы и т.п.). Представление о том, что Россия – там, откуда они прибыли, существовало достаточно долго и у самих переселенцев, и у их потомков. Зафиксированное в фольклорных текстах и в художественных произведениях психологическое состояние отторжения от целого формировало определенное отношение к месту, к которому человек волею судеб оказался привязан: необходимость обосновываться на новом месте, обустроивая свою жизнь несмотря на суровые и очень жесткие условия существования. В артефактах, в формах организации быта, в формах духовной жизни людей, переселившихся на Урал, длительное время сохраняются черты «материнской» культуры.

Проблема состоит в том, чтобы вычленить тот момент, когда жители-переселенцы *осознают* себя единством. Осознание собственной целостности и уникальности – определяющая характеристика самоидентификации. Однако процесс самоосознания происходит гораздо медленнее, чем фактически формирующаяся особая общность «люди, живущие на Урале, – уральцы». Такая «запаздывающая» самоидентификация, вероятно, могла быть обусловлена характером жизни в крае (отдаленность и в высокой степени изолированность от центра, обусловленная как географическим положением, так и производственной самодостаточностью), отсутствием внутренней саморефлексии (отсутствием специфических форм интеллектуальной деятельности), наличием собственной духовной традиции.

Можно с некоторой долей гипотетичности вычленить несколько этапов формирования региональной идентичности:

- формирование представления о географически закреплённом месте жизни как собственном через создание особой символической реальности (символизация пространства);
- формирование своих собственных, отличных от других регионов, форм деятельности;
- формирование системы ценностей, в которой доминантами будут ценности, определенные бытием в данной региональной культуре;
- формирование определенных типов личности, которые воспринимаются людьми, живущими внутри культуры, как образцы, а людьми, внешними по отношению к данной культуре, как характерные ее представители.

Эти этапы могут быть описаны и как этапы становления регионального самосознания, с той лишь разницей, что иногда параллельно, иногда запаздывая, идет процесс осмысления региональным сообществом само-

го себя, специфики своего существования, роли и места в жизни страны, понимания целей, движущих сил и мотивов своего развития.

Анализ понятий «уральский характер», «тип уральца» позволяет говорить о качественных характеристиках личности, сформировавшихся на протяжении истории (образы уральского мастера, купца, уральского рабочего).

В третьей главе **«Символическая репрезентация региональной культуры Урала»** рассматриваются региональные символы, региональная символика и региональная мифология, репрезентирующие край в общественном сознании.

В первом параграфе **«Региональные символы и региональная символика»** рассматриваются символы, репрезентирующие региональное сообщество, – закрепленные в социальном и ментальном пространстве и служащие знаками его консолидации: те человеческие типы, которые объединяют в себе характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории и официальная символика.

Среди региональных символов Урала, носящих менее официальный характер и более связанных с судьбами жителей, становится восстановление «в правах» исторически значимых персонажей (это православные святые Стефан Пермский, Симеон Верхотурский, царская семья, расстрелянная на Урале, Татищев, де Геннин, Демидовы). Показательным является тот факт, что из символического «пантеона» современности вытесняются революционные деятели прошлой эпохи, но оказываются включенными те исторические фигуры, которые ассоциируются с представлением об Урале как защитнике Отечества. Формирование «пантеона» еще далеко не закончено. И его незавершенность приводит к мысли не только о незавершенности истории, но и незавершенности процесса самоидентификации региона. Региональная символика необходима для самоосознания жителей региона, для формирования их региональной идентичности, для обретения связи с собственной историей как связи с *собственным* прошлым.

Официальная символика регионов и административных областей, утверждаемая в последнее десятилетие, выражает процесс формирования новой идентичности. История принятия официальной символики областями Урала как субъектами Российской Федерации в 1990-е гг. тесно связана с радикальными преобразованиями в сферах политики, экономики и социальной жизни, проходившими в стране и отразившими сложные процессы по созданию новой государственности. Новая официальная символика (гербы, флаги, гимны) стали символами не только самоутверждения региональных политических элит, но осознанием и подчеркиванием самоценности региона.

Понимание значимости символизации жизни, фиксирования в зримых образах происходящих процессов приводит к осознанию пока еще мало артикулируемого процесса – создания собственной региональной неомифологии, чья роль по формированию коллективной идентичности приобретает особую значимость. Анализу региональной мифологии и неомифологических тенденций посвящен второй параграф **«Региональная**

мифология», раскрывающий внутренние смыслы, лежащие в основе уральского способа жизни.

Можно говорить о сложившейся на Урале в течение XVIII – XIX вв. собственной мифологии как способе описания, понимания и познания реальности. В работе представлена реконструкция уральской мифологии, обусловленная христианским миром, народной религиозностью, связанной, в том числе, и с языческими традициями. В мифологических представлениях горнозаводских людей обнаруживается известная двойственность мира, связывающая крестьянскую традицию с новыми условиями промышленного производства.

От крестьянской культуры – здесь связь с аграрным календарем (закрепившаяся в песенном фольклоре), представления о структуре мира (в символике народного жилища), нравственные устои (этическая оценка с точки зрения религиозных представлений о сущем и должном), эстетические ценности (нашедшие свое воплощение в формах и образах художественной деятельности, неразрывно связанных с бытом, прежде всего в декоративно-прикладном искусстве и устном народном поэтическом творчестве).

От собственно горнозаводского труда составным элементом в мифологию уральцев вошли представления, связанные с местными условиями существования (образы «тайной силы», народная демонология), с характером производства (предания о «мастеровщине», семейные предания), со свойствами личности (истории «о силачах», в которых наряду с физическими качествами человека на первый план выходят моральные свойства богатырей, связывая их тем самым и с древней традицией, и с реалиями текущей жизни).

В народной духовной культуре фольклорные жанры и фольклорный тип мышления сохраняются благодаря устной традиции: предания о заселении края, о своей родословной, истории заводов и отдельных производств или ремесел, бытовавшие на Урале, становились той основой, на которой воспитывались молодые поколения. В них этические представления, характерные для всей русской народной культуры (почитание старших, ценность труда, совесть), конкретизированы и привязаны к местным условиям, объединяя общекультурные ценности и ценности, значимые для людей определенного региона.

Можно утверждать, что на Урале сформировалась собственная мифологическая система, реконструируя которую мы обнаружили элементы, свойственные развитым мифологическим системам.

В силу устойчивого представления о культуре Урала как о «промежуточном» (незавершенном, недосостоявшемся) феномене региону отказывали в признании специфических форм духовного освоения мира и оставляли право только на «этнографическую окраску». В последние десятилетия стали доступны широкому читателю работы структуралистов и представителей семиотической школы, в которых фольклор и постфольклор (фольклор современности) рассматриваются в том числе и с точки зрения реконструкции архетипических элементов и мифа как формы мироотношения и миропонимания в целом, находящегося в целостном единстве со «всей сферой символического» (В. Топоров, В. Иванов).

На феномен культуры стали смотреть как на текст, который становится реальностью при «осознании» и/или «прочувствовании-переживании» человеком. Следуя традиции, сформулированной Р. Бартом, понимать миф как «высказывание», нами была сделана попытка представить образ мифологии Урала, как он мог бы быть представлен, если бы был полностью описан и восстановлен.

Сложность воссоздания уральской мифологии заключается в том, что создание мифа и его разрушение происходили в очень короткий период времени (практически на протяжении XVIII – первой половины XIX вв.); кроме того, исторически это было время становления *другой* культуры, опиравшейся на *другие* основания (стремление к научно обоснованной картине мира, соединявшееся с попытками ускоренной модернизации). Принимая во внимание этот факт, мы, обращаясь к фольклорным источникам, обнаруживаем здесь практически все элементы мифологической картины мира: категория мифического времени (связанная с временем «чуди»); образ мирового древа (образ «белой березы» может быть рассмотрен как создание/появление нового, русского мира) и трансформация этого образа в образ горы, который представляется как модель «всего мира» (мир, в котором оказались «пришлые» люди, – горный Урал, верхняя часть горы в сознании связывалась с Небом, нижняя часть – с недрами и подземным миром). Нам кажется, что в образе Камня-Уральских гор происходила известная мифологизация географического объекта, и косвенным подтверждением могут служить предания о происхождении Уральских гор и о «тайной силе», населяющей горное пространство.

В освоении/присвоении мира особое место занимают *космогонические мифы*, вариантом которых мы предлагаем рассматривать одну из групп генеалогических преданий (по классификации А. Лазарева). Акт «создания мира» в мифологических повествованиях часто связывается с мотивом жертвы. Сюжеты многих преданий о «начале» уральских заводов разворачиваются вокруг центрального мотива – человеческой жертвы. Ритуальный характер действия не вызывает сомнений, необходимость его, очевидно, связана с сакрализацией обряда происхождения/рождения «культурного», человеческого мира.

К мифам о происхождении мира тесно примыкают мифы о предстоящем конце мира – *эсхатологические мифы*. В уральской традиции эти представления присутствуют в виде «социально-утопических легенд» (К. Чистов) о таинственной стране Беловодии.

Антропогонический миф в его классическом виде в уральской мифологии заменен генеалогическими преданиями, повествующими о родоначальниках сел, поселков, городов (особое место среди этой группы преданий занимают истории о переселенцах-старообрядцах); примыкают к ним истории о контактах с местным населением (примером могут служить предания о контактах русского населения с вогулами). Причина «замены» антропогонического мифа генеалогическим преданием, по-видимому, связана с довольно поздним по времени освоением края, когда связь с прошлым ощущалась не только как с мифологическим правременем, но и временем историческим.

Особый интерес представляют предания, в которых действующими лицами были реально существовавшие люди, однако характер их изображения, сюжетные коллизии выдают архаическую основу: они строятся в логике мифологических повествований о *культурном герое*, среди функций которого обычно выделяют добывание культурных благ, участие в мироустройстве в качестве демиурга, обучение людей ремеслам и искусствам и т.п. В уральском фольклоре нам удалось выявить ряд персонажей, явно тяготеющих к типу культурного героя: Ермак, первые Демидовы, Аносов, Карпинский.

Среди героев уральского мифа особое место занимают религиозные деятели (от Симеона Верхотурского до старообрядцев-отшельников, живших в скитах). Прослеживаемая тесная связь с христианскими верованиями и представлениями носит закономерный характер. В реконструкции уральской мифологии эти персонажи символизируют собой связь условно называемого «среднего» мира (мира людей) с миром «верхним» (в христианской традиции – «горним»). Они могут быть также рассмотрены как представители пантеона «высшей мифологии», т.е. обладающие «божественным статусом». Соответственно, должен быть и сонм «низшей мифологии», мифологических существ, лишенных божественного статуса, – демонов и духов. Этот пласт в силу его тесной связанности с творчеством П. Бажова, в фольклористике хорошо описан.

По сути, мы имеем дело с уникальным феноменом: в среде горнозаводского населения в новое время происходит процесс освоения мира по древнеславянским моделям. Едва ли не единственный случай в мировой практике, когда в одной культуре параллельно, но не независимо друг от друга идут процессы создания производственного цикла (строительство заводов с передовой по тем временам технологией в логике модернизированных социально-производственных систем) и формирования мифологических представлений о мире по архаическим моделям. Непротиворечивость этих процессов заставляет предположить, что уральская культура создает собственную линию осмысления мира, исходя из создавшихся условий существования, используя при этом в качестве строительного материала как древние пласты сознания, хранящиеся в народной культуре, так и новые реалии, связанные со спецификой здешней жизни. Устойчивость представлений, хранящихся в народной памяти и поныне, дают дополнительную возможность говорить о живом и смыслозначимом характере явления.

Среди особенностей уральской мифологии выделим тесное единство древних языческих верований, связанных с освоением новой территории, и новых форм хозяйственной жизни, христианских верований допетровской Руси и представлений, характерных для культуры нового времени, связанных с производственными процессами. Наличие развитой мифологической системы, которую мы попытались реконструировать, свидетельствует о духовной освоенности мира населением Урала, а значит, позволяет говорить о самостоятельном и уникальном феномене – уральской региональной культуре.

Отличительной особенностью культуры, свидетельствующей о духовной освоенности жизненного пространства, является наличие *языка*.

«Предложенное» языком описание мира должно быть максимально полным, содержащим все элементы мира, в котором человек живет. Такой полнотой сегодня обладает литературный язык. Однако наряду с литературным языком (его можно уподобить «материнской» культуре по нашей терминологии) существует пространство народных говоров (региональное языковое пространство). Как показал анализ, в русских говорах Среднего Урала присутствует весь объем слов, необходимых для полномасштабного описания мира (наличие лексики, описывающей природный мир, повседневную жизнь, человека как объект и как субъект действия; религиозные верования и мифологические представления). В языке можно обнаружить несколько пластов: один связан с общерусской лексикой, адаптированной к условиям жизни (в том числе и устаревшей), другой представляет собственно языковое творчество русских поселенцев, третий – заимствования у других народов, населявших край. В целом же, в лексическом строе языка зафиксирована целостная модель мира, который был назван и, следовательно, духовно осмыслен и освоен.

В ходе модернизационных процессов, охвативших Россию с середины XIX в., традиционный уклад жизни разрушается, однако ценностно-нормативная основа культуры носит более или менее устойчивый характер, и, возможно, не претерпела бы таких радикальных изменений в XX в., если бы не внешние факторы (прежде всего связанные с революциями). Устойчивость традиционных представлений демонстрирует тот факт, что еще в 1960-70-е гг. фольклористы фиксировали их в ходе экспедиций по горнозаводскому Уралу.

Трансформации, которым подверглась народная культура и вся жизнь в советское время столь велики, что говорить о полном сохранении мифологических представлений, характерных для традиционного общества, также как и о неизменном составе языка, было бы очень большим допущением. При всем том, что уральская мифология представляет собой довольно разветвленную и сложную по составу систему, воспринимается она как нечто принадлежащее другой по времени, не современной жизни, а лексический состав языка уральцев понимается современным человеком с большим трудом. Возникает закономерный вопрос, что сменило (или точнее – вытеснило) в сознании уральцев древние представления, позволявшие более или менее органично существовать в природно-социальном мире.

Известно, что на смену традиционным мифам в модернизированных культурах приходят мифы социальные, особые представления о реальности, сознательно внедряемые в общественное сознание. В социальных науках последнего времени довольно подробно анализируется «советский миф», пришедший на смену традиционным представлениям и обусловивший существование людей советской страны. Процесс создания «новой мифологии» сегодня можно наблюдать повсеместно. В работе сделана попытка анализа неомифологии уральского региона как феномена, репрезентирующего самосознание регионального сообщества советского времени.

В существовании «уральского советского мифа» можно выделить несколько этапов: *подготовительный*, когда создавались предпосылки для

создания социального мифа, но черты его были еще не до конца обозначены, период *становления*, когда черты его обретали реальность, описывая достаточно серьезный пласт современной жизни, период *отмирания*, связанный с переоценкой ценностей.

Уральский миф является региональной модификацией более общей мифологической системы – советского мифа. Советский миф описан и изучен на сегодня достаточно хорошо. Его становление тесно связано с историей советской власти, с жестким идеологическим диктатом и представлениями об однолинейности истории. Его разрушение совпало с крушением социалистической системы. В отличие от советского, уральский советский миф не только до конца не осознан, но и во многом продолжает определять представления о реальности и сегодня, в его формулах она описывается и постигается, и мы не можем сказать, что пространство мифа, освоенное и подвергнутое критическому анализу, стало достоянием общественности.

Ключевой позицией и центральным ядром мифа является представление о советском Урале – крае, подлинное существование которого началось только после революции. Революция приобретает, таким образом, космогоническое значение. Вся предшествующая жизнь – это путь к революции, гражданская война – борьба за освобождение Урала, вся последующая жизнь – труд во имя светлого будущего. Это представление утверждалось в сознании уральцев с первых лет советской власти.

Сопоставление двух мифологических систем – реконструированной уральской мифологии и неомифологии советской поры – позволяет сделать некоторые выводы. «Прежний» миф описывал реальность и являлся одной из основ бытовавшей горнозаводской культуры. Разветвленность мифологических представлений свидетельствовала о самостоятельном и активном характере духовного освоения мира людьми, живущими на Урале. «Советский миф» сознательно редуцировал объемность мировидения до узкого круга утилитарно понятых жизненных целей. В настоящее время мы наблюдаем процесс, который можно описать как поиск новой идентичности.

Анализ культуры горнозаводского Урала дает основания утверждать, что в регионе была выработана собственная система ценностей, созданы особые формы духовного и материального освоения мира, сформировалась особая идентичность и продуцируется особый тип личности.

Развитие художественной культуры Урала (и особенно изобразительного искусства) позволяет проиллюстрировать, как исторически происходило осознание регионом собственной «самости». Нам представлялось необходимым рассмотреть развитие художественной культуры Урала как процесс, отражающий особенности его жизни, обладающий своей логикой и закономерностями, обусловленный не только внешними факторами (политики, влияния столичной культуры), но и внутренними (природно-географическими, социально-экономическими, историко-культурными, этническими, религиозными). При таком подходе искусство края представит как одна из форм регионального самосознания. Этому посвящена четвертая глава **«Художественная культура Урала как выражение регионального самосознания»**.

В первом параграфе **«Столичное, провинциальное и региональное в художественной культуре»** дифференцируются соответствующие категории, даются качественные характеристики понятий «провинция» и «провинциальность», соотносятся понятия «регион» и «провинция», рассматривается вопрос «присуща ли региону "провинциальность"». На первых этапах, когда идет освоение региона и доминирующее значение играет «материнская» культура, говорить о провинциальности можно только в контексте повторения уже наработанных форм. На этапе становления региональная культура может заимствовать формы культуры, но дополнять их элементами, принятыми в данной территории (так произошло с архитектурными стилями: заимствованный стиль классицизма приобрел свое «уральское» лицо во многом благодаря металлическому декору, использовавшемуся местными архитекторами). На следующем этапе, когда региональная культура функционирует как некий геокультурный исторически обусловленный механизм, возникают оригинальные формы, высшим достижением которого становятся произведения искусства. На этом этапе черты провинциальности практически утрачиваются, и мы имеем дело с региональным вариантом общенациональной культуры. Региональная художественная культура представляет лицо края, становится символом края и способствует региональной идентичности его жителей. Однако в ситуации моноцентризма, в культурном доминировании столицы и сознательном культивировании противопоставления «столичное – провинциальное» оригинальные формы региональной культуры могут либо предаваться забвению, либо дискредитироваться как неразвитые. Особенно серьезной ситуация может стать там и тогда, где и когда региональная культура не проявила себя в профессиональном искусстве, оставаясь практически целиком в рамках народной традиции, с характерным для нее синкретизмом и слитностью с бытом. Именно так произошло с художественной культурой Урала.

В контексте сказанного особое место занимают уральские художественные промыслы, описанию истории развития которых посвящен второй параграф **«Самобытность: уральские художественные промыслы»**.

Уральские художественные промыслы (каслинское чугунное художественное литье, златоустовская гравюра на стали, нижнетагильская роспись по металлу, суксунская медь, камнерезное и ювелирное искусство, невянская школа иконописи) были порождены и стали выражением горноуральского способа жизни, где крестьянские традиции во многом определяли труд рабочих и мастеровых, где творчество кустарей-одиночек соседствовало с промышленным производством, где главным материалом были железо и камень, где связь с духом традиций не отвергала, а, напротив, предполагала постоянный широкий поиск, где создавались произведения, украшавшие столичные дворцы и крестьянские избы, купеческие особняки и дома рабочих.

Можно сказать, что художественные промыслы достаточно долгое время были выражением самосознания региональной культуры, являлись ее неотъемлемой частью, представляли образ региона в сознании других людей. Однако собственно осознание этого феномена пришло несколько позже: началом процесса можно назвать выставки «Урал и его богатст-

ва», организованные на рубеже XIX–XX вв. А. Денисовым-Уральским, и появление сборника сказов П. Бажова «Малахитовая шкатулка» (1939).

Образы бажовских сказов отражают тот реально существовавший пласт сознания уральцев, в котором, наряду с миром видимым, всегда существует «тайный» мир, где мастерство и знание ценятся наряду с чистотой сердца и помыслов, где язык звучит в своей первозданности – и остраивает бытие, где сами формы жизни – другие по сравнению с традиционно русскими (крестьянскими) и одновременно узнаваемые. Не случайно исследователи творчества П. Бажова называли его произведения камертоном для понимания мира уральского труженика. Образы бажовских сказов стали символами Уральского края и вошли в сокровищницу российской культуры.

Традиционные уральские промыслы в XX в. проходят несколько стадий развития: сначала они утрачивают свою самобытность, уходят мастера, производится только то, что тиражируется промышленным способом, затем, на новом этапе, затрачиваются огромные усилия для возрождения промысла.

История существования художественных промыслов свидетельствует, что именно они были для Урала специфической формой духовно-эстетического освоения мира, реализуя тесную связь с повседневной жизнью и формами хозяйственно-промышленной деятельности. Это позволяет говорить об уральских народных художественных промыслах не только как о по-настоящему самобытных и оригинальных видах творчества, свойственных региональной культуре, но и как о существенном вкладе уральских мастеров в сокровищницу русской культуры.

В третьем параграфе **«Профессиональное искусство Урала на рубеже XIX–XX вв.: время больших ожиданий»** рассматривается история профессионального искусства Урала, существовавшего в регионе меньший по времени период и в силу этого не успевшего к рубежу XIX–XX вв. стать подлинной формой самосознания региона. В развитии профессионального искусства Урала рубеж XIX – XX вв. был временем скорее ожиданий, нежели свершений. Можно констатировать, что в этот период происходит подъем и консолидация творческих сил, который, тем не менее, нельзя выдавать за расцвет художественной культуры. Художественную жизнь края, при всей ее интенсивности, можно охарактеризовать словами «провинциальная художественная жизнь». В этот период происходит *становление профессиональной художественной культуры как формы самосознания новой культуры края*. Выделяются масштабные фигуры (Д.Мамин-Сибиряк, А. Денисов-Уральский, Л. Туржанский), талантом и усилиями которых создается представление о крае, складывается «образ Урала». Практически каждая крупная культурная акция в этот период становилась частью общего процесса *становления регионального самосознания* (от активной просветительской деятельности местной интеллигенции до побед на международных промышленных выставках, от организации Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки до открытия в столицах выставок «Урал и его богатства»).

На рубеже XIX–XX вв. в крае мы наблюдаем сосуществование двух форм искусства – народного и профессионального. Они не просто сосу-

существуют, они обогащают друг друга, тесно взаимодействуют. Самобытное народное искусство становится той питательной средой, из которой вырастает искусство профессиональное. Однако в ситуации происходящих модернизационных процессов в культуре народное искусство как форма регионального самосознания отходит на второй план. На его место в светской культуре модернизированного типа приходит искусство профессиональное. Этот процесс на рубеже эпох на Урале находился еще в самом начале, происходил скорее ощупью, нежели был осознан, проявляя себя в виде разрозненных, робких попыток, давая рождение отдельным (так и оставшимся стоять в истории одиноко) творческим личностям.

Можно констатировать, что до революции 1917 г. краем не было достигнуто того качественного уровня, который позволил бы процессу самопознания стать до конца очевидным, насущным, позволяющим увидеть в нем некую отправную точку для будущего.

В четвертом параграфе **«Неомифологические тенденции в изобразительном искусстве советской эпохи»** на материале пластических искусств рассматривается процесс создания и существования неомифологии советской эпохи, во многом определившей судьбы уральского искусства.

В первоочередные задачи большевиков входило ниспровержение старой культуры. Поэтому новая власть выдает происходящие преобразования за рождение пролетарской культуры. Отсутствие массового профессионального искусства объясняется отсталостью региона. Отсутствие среди творческой интеллигенции рабочих – недоступностью культурных ценностей для широких народных масс. Таким образом, начинается формирование представления о том, что только с приходом советской власти на Урал начинается духовное освобождение и преображение края. При этом реально существовавшие в крае формы художественной жизни не замечаются как не существующие (показательным примером является судьба уральских промыслов). Отрицание связи с традиционной культурой края приводит к нарушению логики его развития, тормозит процесс самосознания. Развитие творческого потенциала Урала приобретает во многом искусственный характер, понимается, главным образом как решение проблемы плановой, массовой ускоренной подготовки творческих кадров, что не могло не сказаться на качестве создаваемых произведений.

Особую роль в определении тематики, проблематики и изобразительно-выразительных средств играют представители «столичной культуры», так называемый «московский десант». В период 30-х гг. старательно формируется представление о недостаточной развитости местных художественных сил для отражения процесса великих преобразований. Прерывается процесс органичного развития и становления искусства, ему определяют круг тем, идей и образов, создавая все условия для превращения во вторичное, неоригинальное, провинциальное...

Однако для превращения Урала в духовную провинцию необходимо было решить еще одну существенную задачу: волевым образом изменить историю края. Это не должно было быть явной фальсификацией истории,

скорее, ее «уточнением» с нужных идеологических позиций. Художественным воплощением стала картина Б. Иогансона «На старом уральском заводе» («Урал демидовский», 1937), на которой история Урала приобрела качество дополнительной достоверности, а картина становилась одновременно и художественным и историческим документом.

Последующее развитие советского искусства на Урале может быть рассмотрено как реализация заданной неомифологической модели. В 1930-50-е гг. создается образ советского Урала и формируется неомиф, определяющий судьбу края и место среди других регионов страны. Вместе с ними регион в готовом виде получает изобразительный язык и законченный лексикон для своего самовыражения. Драма заключается в том, что дореволюционное развитие художественной культуры не успело создать ни значительной традиции профессионального искусства, ни художественной летописи Урала (особенно это заметно в сравнении с богатой галереей образов Москвы и Петербурга, созданной многими поколениями русских художников), и, как следствие, новые, зачастую навязанные извне образы, стали единственными.

Анализ развития советского искусства на Урале приводит к пониманию той роли, которую сыграл в его становлении навязанный неомифом образ. Транслируемое средствами искусства определенное миропонимание и мироотношение становилось ключевым моментом в осознании краем самого себя, навязанные извне формы – единственно возможными.

Рубеж XX – XXI вв. стал временем переоценки ценностей, пересмотра значения многих событий и явлений в истории отечественной культуры. Стремление восстановить распавшуюся «связь времен» на новом этапе вновь повернуло Урал к решению смысложизненных вопросов, вставших перед краем еще в начале XX в. В этом смысле бытие региональной художественной культуры можно рассмотреть как индикатор тех возможных изменений, которые еще не до конца ясны сегодня, но, возможно, завтра станут более очевидными.

Существование сферы художественной культуры в пространстве современного Урала воспринимается скорее как параллельное основному движению жизни, нежели определяющее лицо региона. Возникает ощущение, что здесь проявляется скрытое недоверие к искусству как к выразителю регионального самосознания, обусловленное опытом XX в.

В целом же можно отметить, что проблемы соотношения «провинциального» и «регионального» в истории развития художественной культуры Урала претерпели ряд изменений: от региональной самобытности народного искусства к обретению себя в профессиональном искусстве в эпоху перемен на рубеже XIX-XX столетий, через насильственное превращение в духовную провинцию – к осознанию значимости и самооценности искусства.

В **Заключении** подводятся итоги осуществленного исследования, намечаются перспективные направления дальнейшей работы по данной теме.

Основные положения диссертации представлены в следующих публикациях автора:

1. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания: Монография. – Екатеринбург, 2003. – 206 с.
2. Художественная культура Урала: Учебное пособие для учащихся 10 - 11 классов. – Екатеринбург, 1999. – 176 с.
3. Художественная культура Урала: Учебное пособие. – Екатеринбург, 2003. – 304 с.
4. Екатеринбург — мой любимый город: Книга для чтения в 5-7 классах – Екатеринбург, 1998. – 158 с. (в соавторстве)
5. Региональная культура и образование: поле для взаимодействия // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2002. – № 8. – С. 23 – 28.
6. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15. – 2003. – № 29 – С. 60 – 78.
7. Образование как элемент формирования регионального самосознания // Региональный компонент гуманитарного образования: проблемы реализации / Материалы науч.-практ. конф.: Екатеринбург, 23 мая 2001 г. – Екатеринбург, 2002. – С. 41 – 51.
8. Новые информационные технологии в преподавании мировой художественной культуры и проблема творческого мышления // Развитие личности в системе непрерывного гуманитарного образования / Материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 22 марта 2000 г. – Екатеринбург, 2001. – С. 163 – 170.
9. Изучение художественной культуры Урала в контексте проблемы формирования регионального самосознания // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика / Пятые Всерос. историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2001. – С. 11 – 13.
10. Регионалистика: возможности культурологического подхода // Социально-гуманитарное образование в средней и высшей школе: перспективы модернизации. / Материалы VI междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2002. – С. 113 – 117.
11. Изучение региональной культуры в школе: опыт и перспективы // Художественная культура Урала: Программы для общеобразовательных школ, лицеев, гимназий (1-11 классы) – Екатеринбург, 2002. – С. 3 – 9.
12. Изучение культуры города для актуализации знаний студентов // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1997 – С. 271 – 273.
13. У нас в Екатеринбурге: что издаем, что продаем, что читаем // Книжное обозрение. – 1997. – 5 августа.
14. Литературные итоги 1998 года // Пульс культуры. – 1999. – № 2. – С. 11 – 13.
15. Образовательный модуль «Художественная культура Урала» в контексте преподавания мировой художественной культуры в школе //

- Филологический класс: проблемы, тенденции, перспективы работы: Тезисы докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 25 – 26 марта 1999. – Екатеринбург, 1999. – С. 135 – 136.
16. Музыкальное искусство в школьном курсе «Художественная культура Урала» // Проблемы современной музыкальной культуры: рубеж веков. Композиторское творчество, исполнительство, фольклористика, музыкальная эстетика, педагогика и музыкальное просветительство: Тезисы докладов Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14 – 16 октября 1999 г. – Екатеринбург, 1999. – С. 55 – 57.
  17. Воспитательная работа в виде внеаудиторной деятельности со студентами // Гражданское общество и патриотизм в XXI веке: теория и практика. – Екатеринбург, 2002. – С.151 – 154.
  18. Столичное, провинциальное и региональное в художественной культуре //Человек в мире культуры / Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 25 апреля 2003 г. – Екатеринбург, 2003. – С. 55 – 57.
  19. История региональной культуры: проблемы методологии исследования и практики преподавания // Новая локальная история: Методы, источники, универсальная и провинциальная историография / Материалы Всерос. науч. интернет – конференции, 23 апреля – 23 мая 2003 г. // <http://nlh.stavsu.ru/inetconf/doclads/murzina.asp> – 0,8 п.л.
  20. Курс методики преподавания культурологических дисциплин: проблемы и решения // Социально-гуманитарное образование в средней и высшей школе: методологические и методические проблемы. Материалы науч.-практ. конф. 28 апреля 2000 г. – Екатеринбург, 2000. – С. 123 – 126.
  21. Культурологический подход в образовании: к постановке проблемы // Культурологический подход в образовании. Регионал. науч.-практ. конф. 5 – 7 января 2000 г. / Тезисы докладов. – Екатеринбург, 2000. – С. 6 – 8.
  22. Изучение пространства культуры родного города в контексте национально-регионального компонента // Культурологический подход в образовании. Регионал. науч.-практ. конф. 5 – 7 января 2000 г. / Тезисы докладов. – Екатеринбург, 2000. – С. 17 – 20. (в соавторстве)
  23. Методологические и методические основы курса «Мировая художественная культура» в школе // Культурологический подход в образовании / Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 9 ноября 2001 г. – Екатеринбург, 2001. – С. 24 – 28.
  24. Проект «Урал – перекресток цивилизаций» (из опыта совместной деятельности) // Культурологический подход в образовании / Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 9 ноября 2001 г. – Екатеринбург, 2001. – С. 107 – 109 (в соавторстве).
  25. Изучение региональной культуры в контексте культурологического подхода к образованию // Социально-гуманитарное образование в средней и высшей школе: методологические и методические аспекты / Материалы V регионал. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 30 марта 2001. – Екатеринбург, 2001. – С. 129 – 133.

26. Екатеринбург — мой любимый город: Рабочая тетрадь для учащихся начальной школы – Екатеринбург, 1998. – 24 с. (в соавторстве).
27. Художественная культура Урала: Методические рекомендации, проверочные и контрольные задания. 10 - 11класс. – Екатеринбург, 1999. – 49 с.
28. Приглашаем в Екатеринбург: Рабочая тетрадь для школьников 5 – 8 классов. – Екатеринбург, 2000. – 44 с. (в соавторстве)
29. Художественная культура Урала: Программы для общеобразовательных школ, лицеев, гимназий (1-11 классы) – Екатеринбург, 2002. – 47 с. (в соавторстве).
30. Урал. Человек. Истоки / Программа для начальной школы. 1-4 класс (экспериментальный вариант) // Вестник регионального образования. – 2003 – № 3. – С. 63 – 80. (в соавторстве).